

Цань-
БУДДИЙСКИЕ
притчи

Жемчужины мудрости

УДК 141.339
ББК 86.42
Ч-18

Оформление *Н. Кудря*

Ч-18 **Чань-буддийские притчи** / Сост. С. Ю. Хольнов. — М. : Эксмо, 2009. — 224 с. — (Жемчужины мудрости).

Мудрость великого Будды покорила многие страны и нашла себе поклонников во всем мире. Китайские последователи Будды — философы чань-буддизма — подарили миру подлинные жемчужины мудрости в виде замечательных афоризмов и притч.

Содержание этого сборника представляет собой вечно живую мудрость прежних эпох, которую по достоинству оценят современные интеллектуалы и любители изысканной духовной культуры Востока.

УДК 141.339
ББК 86.42

ЧАНЬ-БУДДИЙСКИЕ ПРИТЧИ

Составитель С. Ю. Хольнов

Ответственный редактор *Н. Самохина*
Художественный редактор *Н. Кудря*
Компьютерная верстка *Л. Будный*
Корректоры *Е. Щукина, Е. Темлякова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 08.04.2009.
Формат 70×100 1/32. Печать офсетная. Бумага писч. Усл. печ. л. 9,03.
Тираж 3500 экз. Заказ № 2580

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

© Хольнов С. Ю., составление,
литературная обработка, 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-33944-0

Предисловие

У многих моих соотечественников, имеющих о дальневосточной ветви буддизма, увя, весьма поверхностное представление, само сочетание слов «Чаньские и дзэнские притчи», возможно, вызовет недоумение. Действительно, разве могут существовать письменно зафиксированные назидательные истории в традиции, нарочито отвергающей любые писания и ставящей во главу угла мгновенное просветление, достигаемое лишь за счет непосредственной передачи истины, как говорится, из уст в уста, или от сердца к сердцу?! Причем для каждого искателя наставники чань и дзэн, как мы знаем, находят собственное средство выражения невыразимой в принципе сути; это может быть какой-то жест, часто непочтительный, или вопль, а то и затрешина. В европейском представлении, экстрава-

гантность чаньских (дзэнских) учителей сделалась неотъемлемой чертой самого учения, так же как, предположим, икона в обрамлении горящих свечей для христианской веры.

Между тем, чань-дзэн как и вообще буддизм – доктрина весьма практичная, возможно, даже еще более практичная, нежели прочие буддийские ответвления.

Сам Победоносный показал нам пример практицизма, сформулировав «Авьякатани» – десять вопросов (по некоторым источникам – даже 12), которыми не имеет смысла задаваться. Между тем, среди них имеются достаточно, казалось бы, серьезные: вечен ли мир, конечен ли он, тождественна ли душа телу, бессмертен ли познавший истину, существует ли бог и т. д. Идеология исторического Будды в данном вопросе такова: если ты знаешь выход из темницы, то тебе нет нужды заниматься изучением ее устройства; это будет бесцельной тратой времени и сил. Кстати, последней фразой просветленного царевича было наставление: «Усердно трудитесь ради своего спасения, монахи!» Не ради какой-то абстрактной идеи или высшей сущности, а ради собственного избавления от пут феноменального мира. «Усердно трудитесь», потому

что жизнь коротка, и вы можете не успеть. В общем, не стоит отвлекаться на бесплодные мудрствования, фантазии и богоискательство.

Но буддизм есть учение живое, способное легко приспосабливаться к эпохе, а также к нуждам и менталитету народов, желающих его исповедовать. И потому уже в северном буддизме Махаяны (главным образом, монгольском и тибетском) мы находим целые пантеоны божеств, заимствованных не только в индуизме, но и, предположим, в пантеистической секте бон.

Как же тогда эти непостижимые – но, повторюсь, весьма практичные – учителя дзэн, которые ради своей великой цели не отказывались, как нам известно, даже от самого циничного эпатажа, зуботычин, а то и прямого членовредительства, – как же они могли пренебречь проверенной на десятках поколений учеников доктриной буддизма?! Конечно же, не могли, да никогда и не пренебрегали.

И тут, между прочим, кроется начало всей диалектики дальневосточного буддизма. Да, просветление (сатори, *яп.*) может произойти мгновенно, как озарение или вспышка молнии, но случается оно только тогда, когда сознание искателя истины созрело для трансформации, а его учитель интуитив-

но уловил этот момент и оказал на ученика определенное влияние, которое и явилось завершающим штрихом всего процесса обучения. Таким образом, для самого перехода в наивысшее состояние сознания никакие писания действительно не нужны, однако они очень даже могут пригодиться во время длительного этапа подготовки искателя к решающему моменту истины (подходящее, на мой взгляд, выражение для нашего случая). В общем, приверженцы доктрины чань (дзэн) – вполне нормальные буддисты, почитывающие на досуге многие тексты буддийской «Типитаки» («Три корзины учений»). Особым почтением по сей день пользуются у них «Алмазная сутра» («Ваджрачхедика сутра»), «Сутра сердца» («Праджняпарамита хридайя сутра») и «Ланкаватара-сутра» (Сутра о речениях Будды по его прибытии в Шри-Ланку).

Но имеется и чисто чаньский вид писаний, фиксирующий все эти абсурдные для нашего обусловленного сознания слова, выкрики, взрывы смеха, непочтительные жесты, оплеухи и удары посохом дзэнских наставников в форме небольших рассказов, для которых имеется и название – гун-ань (*кит.*), или коан (*яп.*). Буквально китайское слово «гун-ань» означает «досье, запись судебного случая, преце-

дент», то есть каждый такой рассказик – это попытка словесно зафиксировать со всеми сопутствующими обстоятельствами, так сказать, прецедент просветления того или иного выдающегося последователя учения.

Ну, к примеру, когда монах Хуэй-кэ попросил Бодхидахрму успокоить его смятенное сознание и услышал в ответ: «Покажи мне его!», – то, естественно, сделать этого не смог. Монах совсем растерялся (к тому же в тот момент он, вероятно, испытывал сильную боль), и тут первый патриарх чань, уловив подходящий настрой искателя истины, моментально произнес: «Вот я и успокоил твое сознание». Услышав эти слова учителя, будущий второй патриарх мгновенно достиг просветления.

Вот это и есть гун-ань, или коан. (В надлежащем месте он будет передан вам в полной форме.)

Следует также подчеркнуть, что долгое время в традиции дальневосточного буддизма гун-ани входили в число основных методов подготовки учеников, пока не было изобретено еще более мощное средство воздействия на сознание практикующего в нужном направлении – так называемые хуатуо (*кит.*), требующие сосредоточения на единой мысли (вернее, на том ощущении, которое мысли пред-

шествует). Тогда гун-ани в школах чань (дзэн) отошли на второй план в качестве учебного метода. Однако ничуть не утратили своего культурно-познавательного значения.

Помимо гун-аней традиция чань, как всякое вероучение, располагает также обширной исторической частью, в которой, конечно же, немало назидательных притч, а то и просто забавных историй. Некоторые из них также вошли в наш сборник.

Теперь несколько слов о порядке изложения материала в этой книге. В трудах мастеров чань (дзэн) притчи и гун-ани обычно выстроены по какой-то причудливой схеме, не подвластной рациональному толкованию. Поскольку же автор этих строк учителем дзэн не является ни в коей мере, то и материал он преподносит в логическом порядке: вначале (первые 5 глав) – в хронологическом, а затем – в тематическом.

В первый раздел сборника включены гун-ани и притчи, относящиеся к периоду раннего буддизма, который заканчивается появлением Бодхихармы (Бодайборумы или Дамо, *кит.*), двадцать восьмого патриарха буддизма, ставшего в Китае первым патриархом чань. Тут, наверно, следует пояснить: хотя становление чань (дзэн) как самостоятельной тради-

ции, или ветви буддизма, произошло лишь при Бодхихарме, это не значит, что основополагающий принцип передачи дхармы непосредственно «от сердца к сердцу» не использовался ранее. Сам Будда Гаутама, к примеру, использовал его в случае со старым монахом Кашьяпой, ставшим впоследствии первым патриархом буддизма.

Следующие три раздела сборника соотнесены с именами шести патриархов дзэн, или чань, во время которых традиция этой ветви буддизма окончательно развилась и утвердилась.

Наконец, **в последних разделах** собраны тематические притчи, относящиеся не только к видным подвижникам учения, жившим уже после того, как Хуэй-нэн (Эно, *яп.*) решил не передавать больше никому свою патриаршую рясу, но и к каким-то мифологическим, а то и просто бытовым персонажам. Именно последние разделы и преподносят в наибольшей степени тот «живой» чань (дзэн), который воспринимается сегодня массой людей.

Таким образом, в целом можно сказать, что гун-ани и притчи расположены в этом сборнике в хронологическом порядке, подсказанном дошедшими до нас сведениями о фигурирующих в них персонажах. Кроме того, их подбор может дать

желающим представление об истории развития данной ветви буддизма.

Надеюсь, эти короткие истории с подтекстом, предполагающим особый способ восприятия, покажутся интересными российскому читателю, разбудят его творческую фантазию и, возможно, побудят кого-то в поисках новых знаний обратить свой взор на Восток.

Притчи индийского периода буддизма (1)

Монах Кашьяпа и Будда с цветком

Так было однажды мною услышано (1). Победоносный пребывал на Божественной горе, окруженный множеством учеников и подвижников, сошедшихся к Нему со всех сторон света. В какой-то момент Он сорвал цветок, поднял его и показал собравшимся. Все промолчали в недоумении, и лишь старый монах Кашьяпа едва заметно улыбнулся Победоносному в ответ. Тогда Будда сказал: «Я владею взглядом самой истины и сознанием нирваны. Все это невозможно выразить словами и передает-

ся без каких-либо наставлений. Отныне это принадлежит Кашьяпе».

История Кашьяпы

Архат (2) Кашьяпа, или Махакашьяпа, является Бодхисаттвой, то есть существом, достигшим просветления, но сознательно воздерживающимся от окончательной нирваны, дабы помогать всем живым существам. Согласно «Саддхарма-пундарика-сутре», Будда Гаутама предсказал, что Махакашьяпа во множестве перерождений поможет бесчисленному числу живых существ, достигнет высшего Просветления и станет, в конце концов, буддой по имени Рашмипрабхаса.

Кашьяпа был сыном брахмана Капилы, то есть принадлежал к высшей варне Арьяварды. Поначалу он вел обычную жизнь домохозяина, имел жену. Однажды Кашьяпа пахал свое поле и обратил внимание на то, как хищные птицы выклевывают червяков из свежей борозды. Кашьяпа подумал, что вина за гибель множества живых существ целиком лежит на нем. После этого открытия он серьезно поговорил с женой, и они вместе решили отказаться от мирской жизни, чтобы вступить на путь аскезы.

С Буддой Кашьяпа встретился через три года после того, как под деревом Боддхи Победоносный достиг просветления. Лишь восемь дней понадобилось Кашьяпе на то, чтобы добиться просветления — при виде простого цветка сделаться архатом.

После паринирваны Будды Гаутамы подвижник Махакашьяпа возглавил буддийскую общину и председательствовал на первом буддийском соборе, на котором был установлен буддийский канон.

Будда выводит девушку из состояния самадхи

Как-то раз во времена Будды Шакьямуни бодхисаттва Манджушри отправился на собрание будд. Однако к моменту его прибытия все будды уже разошлись. На условленном месте оставалась лишь одна девушка, которая пребывала в глубочайшем состоянии самадхи. Манджушри спросил у Будды: как же сумела эта девушка достичь такой степени просветления, которая была недоступна даже ему самому? «А ты приведи девушку в чувство и сам спроси у нее», — посоветовал Будда.

Манджушри трижды обошел вокруг погруженной в транс девушки и щелкнул пальцами, но безрезультатно. Тогда он вознес ее на вершину небес и употребил все свои чудесные силы, но так ничего и не добился. В конце концов Шакьямуни сказал: «Даже сто тысяч Манджушри не смогли бы вывести девушку из медитации. Но внизу, за пределами двенадцати сотен миллионов миров, находится бодхисаттва Неведения. Вот он сможет это сделать». Тот же час по зову Будды бодхисаттва Неведения вырос из-под земли, отвесил Шакьямуни поклон, а тот велел ему пробудить девушку. Бодхисаттва Неведения подошел к девушке, легко щелкнул пальцами, и девушка очнулась.

Искушение Будды

Однажды преданный Ананда спросил Будду о нирване. И Будда рассказал всем ученикам, которые при этом присутствовали, об искушениях Мары (Мара в индуизме — бог смерти), который пытался совратить его с истинного пути спасения.

«Когда под деревом Боддхи я обрел просветление, подступил ко мне злой Мара со словами: «Погрузись теперь же в Нирвану, Великий; погрузись в

Нирвану, Совершенный; теперь для тебя наступило время Нирваны». И ответил я злому Маре так: «Я до тех пор не погружусь в Нирвану, пока не приобрету себе учеников в среде монахов, мудрых и сведущих, вещей слушателей... Я до тех пор не погружусь в Нирвану, злой дух, пока не приобрету себе последовательниц в среде монахинь. Я до тех пор не погружусь в Нирвану, пока святое учение, мною преподаваемое, не окрепнет, не упрочится, не усвоится всеми народами и, распространяемое все далее и далее, не станет достоянием всего человечества».

Тогда Мара предложил Будде господство над всей Землей за отказ от своего призвания; он искушал Великого своими дочерьми (имена их — вожделение, тревога, похоть), ибо Мара воздействует на тщеславие и плотские устремления человека.

Бодхисаттва Манджушри

Манджушри (Джампэл, *тиб.*; Вень Шу, *кит.*; Мондзю, *яп.*) — бодхисаттва мудрости, разума и воли, легендарный сподвижник Будды Гаутамы, хранитель рая на Востоке, бодхисаттва, сопровождающий будду Амитабху.

Куль Манджушри особенно развит в Тибете и Китае. Тибетцы считают, что одним из воплощений бодхисаттвы являлся их царь Трисонг Децен (742–810), много сделавший для воцарения в Тибете буддизма. Другим воплощением Манджушри называют самого Чже Цзонхаву (1357–1419), великого буддийского подвижника, основателя церкви Гелуг с институтом Далай-ламы.

В Китае местом поклонения Вень Шу считается гора Утайшань. Воплощением же Манджушри называют императора Нурхаци (1559–1626), родоначальника джурдженьской (маньчжурской) династии Цин. Считается даже, что джурджени стали называть себя маньчурами именно в честь Манчжушри.

Ответ Будды атеисту

Так было однажды мною услышано. Один философ-атеист попросил Победоносного: «Поведайте мне истину, ничего не говоря, но и не безмолвствуя». Будда остался сидеть в молчании.

Философ принял его молчаливый ответ, поклонился и сказал: «Вы, Высокочтимый, своей любо-

вью и состраданием развеяли мои заблуждения и наставили меня на путь истины».

Когда философ ушел, Ананда спросил Будду: что же именно тот постиг? И Будда ответил: «Добрый конь пускается вскачь, заведя только тень плети».

Флаг наставника у Кашьяпы

Ананда спросил патриарха Кашьяпу: «Будда завещал тебе ряску учителя, золотую чашу и кассу. Что же передал он тебе, кроме этого?»

Тогда Кашьяпа позвал: «Ананда!»

«Да, я здесь», — последовал ответ.

«Сорви флаг наставника у ворот», — повелел Кашьяпа.

В течение недели после этого Ананда напряженно обдумывал слова учителя и в итоге на седьмой день достиг просветления. Он направился в буддийскую ассамблею, где в тот момент собралось пятьсот архатов с Махакашьяпой во главе. (Прежде патриарх не допустил Ананду на эту ассамблею.) И учитель сказал ему на этот раз: «Не открывая двери, входи!»

Второй патриарх буддизма Ананда

Ананда — один из основных учеников исторического Будды; писания часто называют его Хранителем Дхармы. По рождению Ананда, как и Шакьямуни, также являлся кшатрием, более того, был двоюродным братом царевича Сидхартхи, которого сопровождал повсюду чуть ли не 45 лет (3) как слуга. При жизни Будды просветления не достиг, но получил его позже, под руководством патриарха Кашьяпы, о чем и повествует вышеприведенная притча (гун-ань). После просветления Ананда принял очень большое участие в составлении одного из трех разделов «Трипитаки» — «Сутра-питаки».

В традиции чань (дзэн) Ананда почитается как второй индийский патриарх, проживший около 120 лет.

Не острый ум, а очищенное сознание

Как известно, Ананда, второй патриарх, всегда отличался острым умом и завидной памятью (правда, при жизни Будды просветления он все-таки не достиг); как сказано, вся вторая часть «Трипитаки» —

Сутра-питака — в первоначальном виде продиктована по памяти именно Анандой.

Но был у победоносного еще один верный ученик, который умственными способностями отнюдь не отличался. Это — Суддхипантхака, или Маленький Путь. Все, кроме него, запоминали учение Будды, а он, пытаясь вспомнить начало какой-то фразы, непременно забывал ее конец, и наоборот. Тогда Будда велел ему мести землю до тех пор, пока он не будет в состоянии делать что-либо другое.

Суддхипантхака послушно принялся мести землю и занимался этим очень долго, пока, наконец, не задумался: «Земля, которую я мел, чиста, но очистился ли мой ум?»

В этот момент его сознание действительно очистилось, и на него снизошло просветление. Тогда он пошел к Будде, который был очень обрадован достижениями Суддхипантхаки и подтвердил, что тот достиг просветления.

Воспарить над верой

Рассказывают, что однажды Будду спросили: «Есть ли Бог?» И Он твердо ответил: «Да!». В тот же

самый день другой человек спросил его: «Существует ли Бог?» И Будда столь же твердо ответил: «Нет!» А вечером того же дня третий человек спросил Будду о существовании Бога, и Победоносный промолчал, подняв лишь в ответ указательный палец.

Все это видел его ученик и брат Ананда. Ночью он спросил Будду:

— Я не могу уснуть. Скажи, пожалуйста, почему на один и тот же вопрос ты дал три разных ответа?

Будда охотно пояснил:

— Вопросавшие были разными людьми. Первый верил, что Бога нет, и ему очень хотелось, чтобы я укрепил его веру. Ему я ответил, что Бог есть. Потому что прийти к Истине человек может, лишь освободившись от того, во что верит. Другой человек был убежден, что Бог есть. Ему тоже очень хотелось, чтобы я подтвердил истинность его веры. Ему я ответил, что Бога не существует. Я здесь для того, чтобы разрушать всякую веру, чтобы ум мог воспарить над ней и войти в Истину. Третий человек не был ни верующим, ни атеистом, поэтому ему не нужно было отвечать ни «да» ни «нет». И я промолчал, говоря этим: «Делай, как я, просто погрузись в молчание, и тогда узнаешь!»

Гаугама и муха

В жизни Будды, когда он был еще простым искателем истины, произошел примечательный случай. Вместе с попутчиком он проходил через какое-то селение. Оба вели оживленную беседу, когда на шею Будды села муха. Будда, подняв руку, отмахнулся от мухи. Муха улетела, но Будда внезапно остановился.

— Я совершил серьезнейшую ошибку, — воскликнул он.

А затем повторил жест, отгоняющий муху. Попутчик удивился:

— Что ты делаешь? Муха уже улетела.

Будда ответил:

— Во второй раз я отогнал муху так, как требуется. Я целиком осознал то, что делаю. Иными словами, поднимая руку, я полностью понимал, что рука поднимается и движется в направлении шеи, чтобы отогнать муху. А в первый раз я слишком увлекся беседой, и мое движение было автоматическим. Я совершил грех по отношению к телу.

Смерть Нагарджуны

Как передают сказания праведных людей, всю последнюю часть своей жизни великий архат и учитель Нагарджуна провел в медитации у горы Шри Праварта, что на юге Индии. Однако часто в его обиталище приходили представители иных вероучений, коими, как известно, Индия особо богата. И вот эти оппоненты вели с архатом бесконечные споры и, конечно же, не могли его одолеть. В конце концов какие-то из этих людей попросили Нагарджуну самого лишить себя жизни из великого сострадания бодхисаттвы к ним, грешникам. С одной стороны, физически они были неспособны доставить архату хоть какой-то вред, а с другой — не могли и одолеть его в дебатах.

Нагарджуна с улыбкой согласился; он сообщил, что лишь один из спорщиков способен сделать это. В прошлой жизни тот был муравьем, и сам Нагарджуна по несчастной случайности задавил этого муравья куском травы Куша. Воздаяние должно иметь место, так как все в этой жизни связано причинно-следственным законом. В общем, рьяный оппонент, на которого указал архат, отсек ему голову острым стеблем травы Куша.

Таким необычным образом и расстался со своим телесным обликом четырнадцатый патриарх буддизма.

Гуру Нагарджуна

Считается, что еще за четыреста лет до появления этого замечательного патриарха его приход в мир предсказал сам Будда Гаутама, написавший в «Манджушри-мула-тантре»: «После того как я, Будда, уйду, пройдет четыреста лет, и тогда появится монах, именуемый Нага. Он посвятит себя Учению и окажет большую помощь ему. Он достигнет стадии Совершенного Блаженства и будет жить шестьсот лет. Мистическое знание Махамаюри будет обеспечено тем великим существом. Он познает предметы разных наук и изложит Учение о несубстанциональности. И после того, как он отбросит этот телесный остов, он переродится в области Сукхавати. И, наконец, состояние Будды должно быть определенно достигнуто им».

Действительно, легенды рассказывают о Нагарджуне столько чудесного, как, пожалуй, мало о ком из буддийских подвижников.

Прежде всего, родился мальчик в семье богатого брахмана, который до той поры долго оставался бездетным. Однако все счастливые знаки на теле ребенка сводило на нет весьма печальное обстоятельство: прожить мальчику было отпущено не более 7 лет. Когда же близился этот срок, ребенок со старым слугой отправился в монастырь Наланды, где был принят великим учителем Сарахой. Последний пообещал мальчику, что продлит ему жизнь, но лишь при том условии, что он станет монахом. В общем, Сараха посвятил юношу во многие магические практики, после чего он стал известен как таинственный монах Шриман, владевший несметными мистическими силами. Считается, что однажды этот монах спустился даже в подземный мир нагов (змеев) и прочел там проповедь. Кстати, именно после этого случая монах Шриман и получил имя Нагарджуны.

Ученые считают Нагарджуну основателем философской системы Мадхъямики — учения Срединного Пути.

Нагарджуна оставил немало книг, большинство которых было переведено на тибетский в восьмом веке, во времена правления царя Трисонга Децена. Что же касается возраста, который он прожил, то в этом вопросе мнения буддийских богословов рас-

ходятся: одни отводят ему аж 300 лет благополучной мирской жизни; другие — лишь 150. Что, согласитесь, тоже совсем не мало!

Как Васубандху сохранил свой язык

Молодой послушник Васубандху, по настоянию матери, направился в Наланду, где к тому времени его старший брат Асанга уже сделался одним из величайших учителей Махаяны и приобрел множество учеников и почитателей. Познакомившись с трактатами своего старшего брата, Васубандху разочарованно произнес: «Увы, практикуя двенадцатилетнее созерцание в лесу, Асанга ничего в итоге не достиг; он создал систему неуклюжую и настолько тяжелую, что ее может разве что снести слон».

Узнав о мнении младшего брата, Асанга проникся состраданием к юноше и, естественно, решил ему помочь. Он приказал двум своим ученикам взять «Дашабхумаку» и «Акшаямати-нирдешу», а затем, придя к юноше, повелел читать эти книги утром и вечером.

Васубандху, естественно, выразил покорность и уже вечером сказал: «Большая Колесница обладает хорошими возможностями, но ее результат, по-

видимому, отклоняется от истинного пути». Утром же, на рассвете, проведя ночь за чтением, он окончательно поменял мнение: «И возможности и результат Великой Коленицы, воистину, грандиозны. Вырежьте мой язык, вырежьте мой язык, дерзнувший принизить такое Учение!»

Более того, он тут же и вознамерился совершить это самостоятельно и принялся искать нож. Однако ученики Асанги его остановили: «Не пытайся совершить надругательство над собой — твой старший брат устранил твои заблуждения, ступай к нему». Выслушав доктрину из уст самого Сарахи, Васубандху заметил одну деталь: все тонкости мысли брата схватывались им, как бы даже их предвосхищающая. Тогда Асанга объяснил младшему брату: «На протяжении своих последних 500 рождений ты был ученым-пандитом, а потому аналитическая мудрость чрезвычайно у тебя развита. У меня же это не так. А потому, во искупление своего греха, ты отныне и до конца своих дней будешь заниматься именно философской частью Учения».

И действительно 21-й патриарх Васубандху всю свою жизнь посвятил созданию комментариев к буддийским сутрам. (Считается, что дожил он до 80 лет.) Его письменное наследие огромно: некото-

рые современные историки даже сомневаются в том, все ли эти труды принадлежат одному человеку.

О неизбежности кармического воздаяния

Жуткая история об избиении шакьев Хрустальным Царем (Вирудхакой) была поведена и прокомментирована самим Буддой Шакьямуни.

Некогда, еще до настоящего воплощения Будды, неподалеку от городка Капила на берегу большого пруда стояла рыбацкая деревня. Случилось так, что из-за сильной засухи пруд обмелел, и вся рыба была выловлена и съедена жителями деревни. Последней же была поймана одна большая рыба, бившаяся сильнее других.

Прежде чем ее убили, один деревенский мальчишка, никогда, впрочем, рыбы в пищу не употреблявший, решил с ней поиграть и при этом трижды ударил рыбину по голове.

Прошли годы и потом, уже после прихода Будды Гаутамы в этот мир, Прасенаджит, царь Шравасты и современник Будды, был убит собственным сыном, который и известен нам как Вирудхака, или

Хрустальный Царь с Дурным Рождением. Уверовавший в Дхарму Будды, он взял в жены девушку из рода шакьев, которая впоследствии родила царевича, получившего имя Хрусталь. В юности царевич обучался в городе Капила, который был тогда основной резиденцией рода шакьев. Однажды во время игры мальчик взобрался на трон Будды, но окружающие пристыдили его и тут же заставили слезть. В итоге мальчик затаил злобу на этих людей, и, став царем, напал со своими воинами на Капила, жестоко перебив всех ее жителей.

В это же самое время Будда Гаутама три дня страдал от жестокой головной боли. Когда ученики попросили Победоносного спасти несчастных жителей, Будда ответил, что сформировавшуюся карму изменить никак нельзя.

Тем не менее, при помощи своих чудесных способностей Маудгалапутра, один из десяти главных учеников Будды, совместно с Шарипутрой попытались это сделать. одному из них даже удалось спасти от смерти пятьсот шакьев — он постарался укрыть их в своей монашеской чаше, подняв ее в воздух. Однако стоило лишь чаше опуститься на землю, как она тут же наполнилась кровью. Отвечая на вопросы ближайших учеников, Будда поведал историю (гун-ань) о жителях деревни, которые

некогда умертвили всю рыбу в своем пруду. Хрустальный Царь в прошлом воплощении был той самой большой рыбиной, которую трижды ударил по голове мальчишка, а его воины — остальными рыбинами, убитыми рыбаками. Естественно, погибшие жители Капила были рыбаками, съевшими всю рыбу, а сам Будда — мальчиком, трижды ударившим по голове большую рыбину. Теперь (карма) заставила Его в течении трех дней страдать от головной боли, что явилось воздаянием за Его давний проступок. Последствий сложившейся кармы избежать невозможно. И потому пятьсот шакьев, которых Маудгальяяна изначально спас, все же не избавились от возмездия. (Как, впрочем, и те, кто послужил орудием возмездия.) Впоследствии Хрустальный Царь обрел рождение в одном из адов. (Поскольку причина порождает следствие, которое, в свою очередь, становится новой причиной, цепь кармического воздаяния бесконечна.) Закон причинности воистину ужасен.

О силе дисциплинарных правил

Некогда в местечке Кубхана (Кашмир) рядом с монастырем объявился ядовитый дракон, часто разорявший окрестные земли. В монастыре же в ту

пору собралось пятьсот архатов, которые объединили свою силу дхьяна-самадхи и все же никак не могли дракона изгнать. Затем в монастырь явился еще один монах, совсем простой с виду.

Этот последний вообще не стал входить в дхьяна-самадхи, но вежливо сказал ядовитому дракону: «Не соблаговолит ли тот, кто мудр и добродетелен, покинуть это место и отправиться в дальние края». И после этих слов ядовитый дракон поспешил удалиться.

Пораженные архаты спросили у монаха, что за чудодейственная сила позволила ему прогнать дракона. А тот ответил: «Я не использовал силу дхьяна-самадхи, я всего лишь очень тщательно соблюдаю правила дисциплины и отношусь к любому незначительному правилу не менее внимательно, чем к самой важной заповеди». Итак, мы видим, что даже объединенная сила дхьяна-самадхи пятисот архатов не может сравниться с могуществом того, кто соблюдает правила дисциплины.

Брось это!

Рассказывают, что один брахман по имени Черные Когти принес однажды Будде в дар два огром-

ных цветущих дерева, которые он мог удерживать в руках лишь при помощи магической силы. Будда окликнул его, и когда брахман отозвался, Победоносный крикнул: «Брось их!» Брахман бросил к ногам Будды одно из деревьев. Но Будда снова повторил приказание. Тогда Черные Когти бросил и другое дерево. Однако Будда все продолжал повторять свою команду.

Тогда брахман сказал в недоумении: «Мне больше нечего бросить. Чего ты хочешь от меня еще?»

«Я вовсе не хотел, чтобы ты швырял свои деревья, — отозвался Будда. — Я хотел, чтобы ты оставил свои шесть объектов чувств, свои шесть органов чувств и шесть сознаний. Когда все они сразу отброшены и когда не остается уже больше ничего, что следовало бы отбросить, тогда-то и достигается освобождение от оков рождения и смерти» (5).

О цене вопросов

Рассказывают, что когда Мулинкьяпутта впервые пришел к Будде, то сразу же задал Победоносному множество вопросов. В ответ Будда сказал: «Пожди! Для чего ты спрашиваешь: для того ли,

чтобы эти вопросы решить, или же для того, чтобы получить на них ответы?»

Мулинкьяпутта озадачился:

— Вроде бы это я пришел к тебе, великому мудрецу, чтобы спрашивать тебя, а получается так, что это ты спрашиваешь меня. Дай мне немного подумать.

Обдумав все ночью, на следующий день он сказал:

— Я пришел для того, чтобы разрешить свои вопросы.

Тогда Будда спросил его:

— А задавал ли ты эти же вопросы еще кому-то?

— Конечно, — воскликнул Мулинкьяпутта. — Уже 30 лет я постоянно спрашиваю об этом многих мудрецов.

— Но тогда, — улыбнулся Будда, — за 30 лет ты, должно быть, получил очень много ответов. Решил ли хоть один из них твой вопрос?

— Нет, — ответил Мулинкьяпутта.

— Вот потому я и не буду давать тебе новые ответы, — сказал Будда, — которые лишь прибавятся к старым и ничему не помогут. Я дам тебе не ответы, а решения.

— Ну, так давай мне это решение, — согласился Мулинкьяпутта.

Но Будда произнес:

— Я не могу дать его тебе: оно должно само в тебе вырасти. Так что оставайся со мной; но в течение года тебе запрещается задать мне хоть один вопрос. Сохраняй полное молчание — просто будь подле меня, — а через год можешь спрашивать, о чем угодно. И я тебе отвечу.

Неподалеку под деревом сидел Шарипутра, один из учеников Будды; он засмеялся. Мулинкьяпутта забеспокоился:

— Почему он смеется? Что здесь смешного?

— Спроси его сам, — ответил Будда. — Спроси его сам, о чем хочешь, но то уже в последний раз.

Шарипутра же сказал:

— Если хочешь его спрашивать, то спрашивай сейчас. Этот человек — великий обманщик; так было и со мной; через год он не даст тебе никаких ответов, потому что сам источник вопросов исчезнет.

Тогда Будда сказал:

— Я буду верен своему обещанию. Шарипутра, не моя вина, что я не дал тебе ответов, ведь ты сам больше ни о чем не спрашивал!

В течение года Мулинкьяпутта хранил молчание: медитировал и становился все более молчаливым. Он стал тихой заводью — без вибраций, без волн — он и забыл, что прошел год, и наступил день, когда он может задавать свои вопросы. И тогда Будда сказал:

— Где-то здесь был человек по имени Мулинкьяпутта. Где он? Сегодня он должен задавать мне свои вопросы.

Там было много учеников, и каждый пытался вспомнить, кто же такой этот Мулинкьяпутта. И Мулинкьяпутта тоже стал это вспоминать, озираясь по сторонам.

Будда поманил его к себе и усмехнулся:

— Ну, что ты глядишь по сторонам? Это же ты! И теперь я должен выполнить свое обещание тебе. Так что спрашивай, о чем желаешь, и я дам тебе ответ.

Но Мулинкьяпутта покачал головой:

— Тот, кто спрашивал, давно умер. Вот почему я оглядывался по сторонам, ища, кто же этот человек Мулинкьяпутта. Я тоже слышал это имя, но его давно уже нет!

Благая причина

Так было однажды мною услышано. Некогда у Будды Шакьямуни появился ученик по имени Субхадра (6). Он был очень беден и остался на свете совершенно один без чьей-либо поддержки. Сердце Субхадры переполняла печаль, и он жаждал следовать за Буддой в качестве Его ученика. Однажды он отправился к Почитаемому-всем-миром, но случилось так, что Победоносного на месте не оказалось.

Тогда другие великие ученики Будды, уже достигшие архатства, взглянули на прошлые воплощения Субхадры, чтобы определить, можно ли найти в них какую-либо действующую причину, которая позволит старому брамину достичь успеха, но обнаружили, что за последние 80 тысяч эпох старик в своих воплощениях такой причины не произвел. Как оказалось, великие ученики, не обладавшие всеведением Будды, просто ее не разглядели, а увидели только земные события, произошедшие в прошлых рождениях Субхадры.

Однако Будда, обладавший Сарваджней, или Всеведением, немного позже ясно увидел в своем новом ученике сопутствующую причину архатства,

которая, находясь за пределами всех цифр, является неотъемлемой частью сущностной природы.

Решив, что старик не посеял ни одной хорошей причины, ученики прогнали брамина прочь. Окончательно преисполнившись печалью, Субхадра вынужден был уйти. Добравшись до обнесенного стеной города, он подумал, что его карма настолько плоха, что уж лучше ему покончить с собой, разбив себе голову об эту стену.

Но, когда он уже готовился к самоубийству, Победоносный оказался поблизости и спросил у него, что он задумал. Субхадра рассказал Будде свою историю, и Тот немедленно взял его Себе в ученики. Вместе они вернулись обратно, и семь дней спустя Субхадра достиг архатства. Великие ученики, не знаящие причину успеха Субхадры, спросили о ней Почитаемого-всем-миром.

Победоносный сказал им: «Вы знаете только то, что произошло за последние 80 тысяч эпох, но Субхадра уже до этого посеял благие причины. В то время он был также очень беден и собирал дрова, чтобы как-то прожить. Однажды он встретил в горах тигра и, поняв, что ему не убежать, поспешно залез на дерево. Тигр же, увидев, что он спрятался на дереве, начал грызть ствол, чтобы дерево

свалить. В решающий миг, когда спасения ждать было неоткуда, Субхадра внезапно подумал о просветленном Будде, который обладает великой силой сострадания и может спасти всех страждущих. И тогда он громко воззвал: «Намо Буддая! Явись скорей, чтобы меня спасти!»

Услышав этот крик, тигр предпочел уйти, не причинив ему вреда. Субхадра, тем самым, посеял непосредственную причину достижения состояния Будды, которая сегодня созрела; отсюда и обретение им ступени архата».

Услышав этот рассказ из уст Победоносного, все великие ученики порадовались и воздали хвалу чудесному достижению бедного брамина.

Гун-ани и притчи периода первого патриарха чань

Выбор Бодхидхармы

Рассказывают, что Бодхидхарма прожил в Китае четырнадцать лет. За это время он сумел продвинуть учение Будды в Поднебесной и лично преподать дхарму множеству учеников. Однако через четырнадцать лет Дамо, или Путидамо, как звали патриарха в Китае, постарел и захотел вернуться то ли в Индию, то ли уйти в Гималаи, чтобы затеряться и исчезнуть в вечных снегах, как поступали затем многие продвинутые последователи этого учения, достигшие просветления.

Гун-ани и притчи периода первого патриарха чань

У Дамо было много учеников и послушников, но из них он выбрал лишь четверых, уединился с ними и сказал:

— Я вам задам лишь один вопрос: в чем сущность моего учения? Тот из вас, кто даст лучший ответ, и станет моим преемником.

В наступившей тишине все посмотрели на первого ученика, который считался самым ученым, самым начитанным. И тот ответил:

— Выход за пределы разума — вот что является главным в твоём учении.

Дарума произнес:

— Ты коснулся кожи моего учения, но не более того. — И повернулся ко второму ученику, который сказал:

— Нет никого, кто бы мог выйти за пределы ума. Все есть пустота. Нет разницы между тем, что нужно познать, и тем, кто должен познать. В этом сущность твоего учения.

Бодхидхарма произнес:

— Ты коснулся костей моего учения. — И повернулся к третьему ученику, который сказал:

— Сущность твоего учения невыразима.

Бодхидхарма засмеялся:

— Но ты ее выразил! Ты коснулся костного мозга.

Он повернулся к четвертому ученику, у которого были лишь слёзы на глазах, который не произнес ни слова, но лишь упал в ноги Бодхидхармы.

Вот его-то учитель Дамо и признал своим преемником.

Каноническая версия прихода Бодхидхармы

Бодхидхарма (Путидамо, Дамо, Дарума), 28-й патриарх индийского буддизма и первый патриарх чань, согласно «Запискам об истории драгоценного учения», датированным 774 годом, являлся третьим сыном южноиндийского раджи Сугандха; родился он в 470 году, но рано покинул дом и присоединился к одной из буддийских общин. Вначале получил монашеское имя Бодхитара, позже — Бодхидхарма. Достаточно быстро, благодаря своим необыкновенным способностям, он становится духовным лидером и патриархом индийского буддизма. Сам 27-ой буддийский патриарх Праджнятару вручил ему патру (чашу — непременный атрибут буддийского монаха) и патриаршую рясу. Затем в духе миссионерства в 520 году (по другим источникам — в 527 году) патриарх направляется в

Поднебесную. Морским путем он добирается до Гуанчжоу, а оттуда — в Цилин (нынешний Нанкин), где вроде бы поначалу ищет покровительства князя Лиан У-ди, тяготевшего к буддизму.

Рассказывают, что князь спросил патриарха: «Я построил много монастырей, возвел статуи Будд, всячески покровительствовал монашескому движению, прочел множество сутр — каковы же мои заслуги и добродетели?»

Дамо сурово отвечал:

— Нет ни заслуг, ни добродетелей.

— Почему же? — удивился князь и услышал в ответ:

— Ты всего лишь сделал несколько добрых дел; но в этом нет никаких заслуг и добродетелей.

И тогда князь спросил:

— А какова же природа святости?

Учитель ответил:

— Безграничная пустота и ничего святого. В природе нет святого и несвятого — это лишь понятия двойственного ума. Природа просто есть.

Это было уже слишком! Князь окончательно оскорбился. Ведь Бодхидхарма, по сути, отрицал даже святость Будды! Владыка на мгновение забыл про свою учтивость и громко воскликнул:

— Тогда кто же стоит передо мной?

Учитель ответил:

— Мне это не ведомо.

После такого ответа князь, разумеется, разгневался в очередной раз, а Дамо понял, что рассчитывать здесь на покровительство бессмысленно, и, откланявшись, отправился на Север. Рассказывают, что, добравшись до Янцзы, патриарх не смог найти лодку, чтобы переправиться на другой берег. Тогда он сорвал ветку и на ней, не замочив ног, преодолел столь серьезную водную преграду.

Еще говорят, что на той ветке имелось пять листиков, и потому-то впоследствии школа Чань разделилась на пять направлений.

Добравшись до Лояна (столица Северная Вэй), Бодхидхарма посетил ряд монастырей, но остановил свой выбор на монастыре Шаолинь в горах Суньшань, где и начал активную проповедническую деятельность.

Следует признать, что многим изнеженным монахам того времени подход к обучению «борода-того варвара» показался чересчур радикальным. Впервые, Дамо сразу же сформулировал доктрину «двух проникновений и четырех действий». При этом «два проникновения» — это два способа дос-

тижения просветления. Первый — путем внутреннего духовного развития и созерцания («духовное проникновение»), второй — путем совершения практических действий, зачастую весьма тяжелых («проникновение посредством действия»). Иначе говоря, Бодхидхарма требовал неразрывной связи внешнего и внутреннего, физического и психического и т. д. и т. п. Он заставлял монахов выполнять тяжелые физические упражнения, ставшие впоследствии основой шаолиньской школы боевых искусств.

В общем, монахи не поняли и не приняли своего грозного учителя, и тому пришлось удалиться в пещеру неподалеку от монастыря, где он провел в непрерывной медитации девять (по другим источникам — целых десять) лет. Рассказывают, что тень учителя до сих пор сохранилась на стенах этой пещеры медитации.

«Затем он предал патру и рясу однорукому Хуэйкэ. В царстве Восточная Вэй на третьем году правления «Тхиень Тхин» (536 г.) 5-го дня 10-го лунного месяца совершенно успокоился и похоронен на горе «Медвежье ухо» (Сюн Ар Шань)». Согласно трактату «Цзин тэ чжан тэн Лу» (XI в.), является основателем Шаолиньцюань.

Историческая справка

На самом деле буддизм в Китае к моменту прибытия Бодхидхармы действительно был уже весьма развит. В Поднебесной насчитывалось 47 монастырей, получавших содержание из государственной казны, 8 монастырей, существовавших на частные вложения богатых семей, и 30 тысяч буддийских храмов, обеспеченных пожертвованиями прихожан. Историки, однако, считают, что некоторые власти неохотно вводили в своих владениях «чужеземную» религию, пришедшую в Срединную империю всего четыре века назад. Некоторые буддийские правила шли вразрез с местными традициями и обычаями. Например, буддийский монах должен был брить голову, а конфуцианство запрещало деформировать естественный человеческий облик. Буддийский монах давал обет безбрачия, а в Китае, где процветал культ предков и приветствовалась многодетность, отсутствие потомства считалось карой небесной, а безбрачие рассматривалось чуть ли не как детоубийство. Тем не менее буддизм постепенно прививался в Поднебесной, хотя отношения монастырского и храмового духовенства с властями в VI в. оставались в целом натянутыми.

Бодхидхарма лишает себя ресниц

Дошедшие до нас изображения, как правило, рисуют Бодхидхарму не очень-то привлекательным внешне человеком. Лицо, заросшее густой бородой, свирепый взгляд из-под мохнатых нависших бровей, круглые глаза, грузное бесформенное тело, закутанное в какие-то непонятные обноски.

Рассказывают, что один лишь раз во время своей непрерывной девятилетней медитации в пещере учитель Дамо позволил себе ненадолго задремать. В наказание он тут же вырвал себе ресницы, которые, надо думать, были у него достаточно густыми, и бросил их на склон горы Ча.

По преданию, ресницы эти подобрал сам Будда, бережно посадил их в землю, и из них выросли кусты ароматного чая, который до сих пор пьют буддисты в периоды долгой медитации, взбадривая сознание. Говорят, что именно отсюда берет начало чайная церемония, пришедшая в XII в. из Китая в Японию вместе с чаньскими монахами.

Бодхидхарма в одной сандали

Еще рассказывают, что уже в самом начале, после своего прихода в Шаолинь, Дамо попытался

обучать монахов искусству «уменьшения веса тела», вошедшему впоследствии в арсенал настоящих шаолиньских бойцов. Широко известно о том, как Дамо переправился через реку Янцзы, усевшись верхом на легкий тростниковый шест!

Другие же говорят, что чаньский патриарх точно таким же образом переправился в Китай из Индии по морю. Только использовал на сей раз соломенные сандалии, одну из которых случайно потерял во время своего путешествия. Не случайно на многих шаолиньских изображениях Дамо изображен с одной сандалией в руке.

Физическое восстановление патриарха

Рассказывают, что десять лет созерцания стены в своей пещере, причем в одном положении (в положении «сидячей медитации»), окончательно лишили Дамо возможности двигать руками и ходить. Надо сказать, что к тому времени шаолиньские монахи прониклись уважением к упорству своего учителя и потянулись к нему. В общем, при появлении учеников Дамо не смог подняться, потому что ноги его не слушались. И тогда патриарх ис-

пользовал особый комплекс упражнений, который помог ему быстро восстановить былую подвижность, а монахам наказал впредь сочетать практику молчаливого созерцания с физическими упражнениями, в том числе с особой практикой кулачного боя. Воодушевленные монахи рьяно взялись за тренировки, сочетая их с дыхательно-медитативными методиками, и... родилось искусство ушу.

Пещера Бодхидхармы

К ней ведет узкая тропинка, уходящая от монастыря к самым вершинам горы Суншань. В сущности, тропинки-то здесь и нет — ноги путника ступают по камням, разбросанным в траве. Говорят, что века два-три назад по императорскому указу здесь была проложена даже каменная лестница, но сегодня о ней напоминают разве что эти камни в траве. Но сама пещера хорошо сохранилась и до сих пор; она является величайшей святыней чаньской школы. Правда, долгое время эта небольшая пещера находилась в запустении, но в 1991 году здесь был проведен укрепительный ремонт, а вокруг самой пещеры возведен портал. Внутри пещеры поставлена небольшая статуя сидящего Бодхидхармы,

возле которой постоянно дежурит монах. А в 1995 году на самой вершине горы была возведена огромная статуя сидящего Дарумы, которая видна даже из монастыря.

Путь от монастыря до пещеры Дарумы быстрым шагом занимает примерно час.

Свидетельства смерти Дамо, официальные и не очень

Таких свидетельств имеется целых три. Это, во-первых, «Продолжение жизнеописаний достойных монахов» («Сюй гаосэн чжуань»), в котором говорится, что Дамо умер в 534–537 годах в возрасте 160 лет, где-то неподалеку от Лояна, т. е. там же, где находился Шаолиньсы, и его тело было кремировано.

Во-вторых, спустя триста лет в исторических хрониках Лю Сюя «Книга династии Поздняя Тан» в разделе «Жития магов» сообщается, что Дамо «нашел пристанище в Шаолиньском монастыре, что в горах Суншань. Там он случайно отравился и умер».

Но и еще на рубеже Вэй и Суй (т. е. во второй половине VI в.) один китайский посланник, направленный в Западные земли, по возвращении совер-

шенно официально сообщил, что повстречал Дамо на Памире и видел, как тот нес в руке лишь одну сандалию, а затем стремительно удалился. Доклад чиновника был проверен с китайской тщательностью — могилу Бодхидхармы вскрыли и обнаружили в ней лишь одну сандалию; останков подвижника не было. Власти даже решили, что Бодхидхарма, полуобутый, отправился на родину, откуда и появилось еще одно его прозвище — Святой в одной туфле. Имеются свидетельства того, что патриарха видели едущим верхом на тигре в джунглях Индии, бредущим по дорогам Японии, преодолевавшим горные перевалы Тибета и т. п.

В чем разница

Рассказывают, что однажды у патриарха спросили: «Какова разница между жизнью великого мудреца и обыденной жизнью заурядного человека?»

Бодхидхарма ответил: «Это подобно осенней паутине. Некоторые ошибочно принимают ее за пар, но в действительности это паутина, парящая в воздухе. Средний человек видит мудреца и считает его жизнь такой же, как и его собственная обычная жизнь, в то же время человек просветленный видит нечто святое в жизни самого обычного человека».

Безбородый варвар

Увидев портрет бородатого патриарха Бодхидхармы, Хоань сказал: «Отчего этот парень из Западных краев такой безбородый?»

Впоследствии Умэнь (16) прокомментировал это высказывание: «Если вы что-то делаете, то делайте по-настоящему. Просветление должно быть пережито воистину. Лик бодхисаттвы нужно прозреть в самом себе. Одного взгляда на него довольно для того, чтобы удостовериться в его подлинности. Но если вы станете утверждать, что видели этот лик, вы тут же его потеряете.

Кипарис во дворе

Один монах спросил Чжаочжоу: «Что означал приход Бодхидхармы с Запада?»

Чжаочжоу ответил: «Кипарис во дворе».

Умэнь добавил: «Тот, кто поймет ответ Чжаочжоу, узнает, что прежде не было Шакьямуни, а в будущем не будет Майтреи».

Доктрина чань в формулировке самого Бодхидхармы:

Особая форма передачи истины, не связанная с какими-либо трактатами.

Независимость от всякого рода буквы.

Прямой контакт с духовной сущностью человека.

Проникновение в глубины внутренней природы человека.

И достижение совершенства Будды.

Четыре патриарха чань

Как Бодайдорума успокоил сознание Хуэй-кэ

Хуэй-кэ, будущий второй патриарх чань, прежде был ученым-конфуцианцем, причем не отличался крепким здоровьем и физической силой. Прислышав о великом учителе Дамо, он явился к нему в Шаолинский монастырь и строго следовал всем наставлениям учителя в течение трех лет.

Однажды — было это зимой — он подошел к любимой пещере Дамо и попросил учителя, который медитировал внутри, успокоить свое сознание. Словно бы в ответ снег пошел сильнее и совсем

занес монаха, которому почтение к учителю не позволяло войти в пещеру. Дамо же оставался внутри и никак не реагировал на просьбу Хуэй-кэ. Тогда искатель истины в знак своей величайшей решимости отрубил себе левую руку и, преодолевая боль, протянул ее Дамо со словами: «В моем сознании нет покоя. Прошу вас, Учитель, успокойте его!»

И тогда, наконец, Дарума молвил: «Давай мне твое сознание, и я его успокою». Хуэй-кэ отвечал: «В том-то и дело, что всякий раз, когда я его ищу, то никак не могу ухватить».

«Ну, вот, я и успокоил твое сознание!» — сказал Дамо, и после этих слов Хуэй-кэ испытал просветление.

Примечание: по поводу этого гун-аня Умэнь Хуэй-кай сказал с совершенно чаньской интонацией: «Этот беззубый варвар по имени Дамо проделал путь в сотню тысяч ли, точно хотел сообщить что-то очень важное. Он уподобился волне в безветренную погоду».

В конце концов он приобрел лишь одного ученика, да и тот был калекой. А все его дальнейшие последователи и вовсе ни бельмеса не смыслили».

Хуэй-кэ (Эка, ян.)

Биография Хуэй-кэ, или Эки (487–593), как она традиционно передается, сама по себе исполнена назидательного смысла, т. е. является своего рода притчей.

До встречи с Бодхидхармой будущий второй патриарх чань звался Цзи-гуаном. Как уже было сказано, он не отличался хорошим здоровьем и физической силой. А потому, когда он явился в Шаолинь, и Бодхидхарма впервые его увидел, то, как передают, молвил: «Я не беру физически слабых учеников». Однако он преподавал Цзи-гуану «Движения рук восемнадцати архатов» (4), чтобы тот окреп физически.

Позанимавшись год по указанной методике, Цзи-гуан попросил у учителя дальнейших наставлений. В тот момент Бодхидхарма пребывал на своем излюбленном месте — в пещере, впоследствии названной в его честь, которая располагалась неподалеку от монастыря.

«Если ты сможешь сдвинуть меня с места, то я стану тебя учить», — отвечал Дарума. Однако, как ни пытался монах сдвинуть с места своего наставника хотя бы палец, ему это не удалось.

Тогда Бодхидхарма обучил Цзи-гуана технике «Перемен в сухожилиях» (5), при помощи которой можно развить внутреннюю силу.

Спустя год, уже олицетворяющий собой здоровье и жизненную силу, Цзи-гуан вновь просил учителя у входа в его любимую пещеру новых наставлений. Бодхидхарма сказал: «Птичий гомон снаружи не позволит тебе успешно заниматься». Цзи-гуан принялся отчаянно прогонять птиц, но, стоило ему войти в пещеру, как те опять возвратились. А когда он сломал ветку, на которую садились птицы, те перебрались на верхушку дерева. Цзи-гуан был в отчаянии, и тогда Бодхидхарма с помощью своей сверхъестественной силы вызвал сильный ветер, и все птицы улетели. После чего Бодхидхарма научил Цзи-гуана правильному созерцанию.

Еще после трех лет занятий Цзи-гуан снова просил у учителя наставлений, но всякий раз Бодхидхарма уклонялся от беседы с ним.

И вот в один из зимних дней ученик явился своему непреклонному учителю, пребывавшему в своей пещере в медитации. День выдался снежным и ветреным, и скоро снег засыпал Цзи-гуана до колен. Но Цзи-гуан продолжал ждать у входа в

пещеру, ибо уже мог выдерживать самый лютый холод благодаря упражнениям «Перемены в сухожилиях». Наконец Бодхидхарма позволил ему в пещеру заглянуть.

«Прошу наставить меня на путь учения», — взмолился Цзи-гуан. «Нет», — был ответ. «Когда же, учитель, вы научите меня?» — «Когда снег покраснеет».

Услышав эти слова, Цзи-гуан вытащил меч и отрубил себе левую руку. Хлынувшая из раны кровь моментально окрасила снег.

Сохранив полную невозмутимость, Дамо спросил: «Что же тебя беспокоит?» — «Мой ум не спокоен. Прошу вас, учитель, успокойте мой ум». — «Принеси же мне свой ум, и я успокою его». И тут неожиданная улыбка осветила лицо Цзи-гуана: «О, я нигде не могу отыскать свой ум. Его у меня нет». — «Ты пробудился, — подтвердил Бодхидхарма. — С этих пор ты будешь называться Хуэй-кэ» (что означает — «способный передавать мудрость»).

Затем Бодхидхарма передал «Ланкаватара-сутру» Хуэй-кэ (*яп.* Эка). Вступая в паринирвану, он вручил Хуэй-кэ хлопчатобумажную кашаю (монашескую рясу) — знак патриаршей власти в чань-буддизме как Второму патриарху.

В этой достаточно длинной истории нужно, наверно, обратить внимание и на тот факт, что, став чаньским учителем, Дарума, прежде всего, установил в своем монастыре систему обучения боевым искусствам, то есть преподавал путь духовного совершенствования через тело.

Патриаршество и смерть Хуэй-кэ (Эки)

После ухода Бодхидхармы движение чань в Поднебесной возглавил Эка (487–593). Уже до того, как он пришел к своему суровому учителю за наставлениями, Хуэй-кэ являлся эрудированным ученым, знакомым как с чисто китайской классикой, так и с буддийской доктриной. Когда же ценой чудовищных усилий и страданий ему удалось добиться того, чтобы Бодхидхарма подтвердил его достижения, этот человек отнюдь не преисполнился законной, может быть, гордости и уверенности в себе.

После ухода учителя он приступил к проповеди отнюдь не сразу, а поначалу больше вращался в низших слоях общества. Очевидно, Эка либо стеснялся, либо побаивался людского признания. Од-

нако при всяком удобном случае он не отказывался от негромкой проповеди доктрины чань. Судя по всему, его отличали скромность, спокойствие и полное отсутствие самомнения.

Возможно, это его и погубило.

Однажды Хуэй-нэн вел беседу о дхарме у ворот храма, в котором в то же самое время проповедовал местный священнослужитель, самоуверенный и весьма почитаемый человек. Причем народ вскоре покинул почтенного проповедника и окружил ученого монаха в лохмотьях, у которого к тому же не имелось каких-либо внешних признаков принадлежности к духовному сану. Это вызвало гнев облеченного официальным саном священника; он обвинил нищего монаха перед властями в профанации. Эку тут же арестовали и, не пожелав особенно разбираться, казнили по местному обычаю. Интересно, что патриарх и не стал отрицать своей вины, согласился с приговором, заявив при этом, что должен таким образом уплатить свой кармический долг. Это произошло в 593 году, когда патриарху было 106 лет.

Из переписки Хуэй-кэ с его учеником-мирянном

Один мирянин по имени Ко, ставший приверженцем учения чань, написал Эке следующее письмо: «Тень преследует человека, а звук порождает эхо. Изнузив свое тело в погоне за тенью, человек не знает, что тень — всего лишь порождение тела. Он не знает также, что эхо нельзя подавить повышением голоса, так как именно голос его и производит. Подобным образом того, кто, стремясь к нирване, подавляет желание и страсти, можно сравнить с человеком, гоняющимся за своей собственной тенью, а того, кто стремится к совершенству Будды, считая, что оно не зависит от природы живых существ, следует сравнить с тем, кто молчит, но все же желает услышать эхо, произведенное его же голосом. Поэтому и просветленный и невежда идут одной и той же дорогой: мудрец нисколько не отличается от профана. Мы даем название тому, что не имеет никакого названия, однако мы основываем свои суждения на этих названиях. Мы создаем теории там, где они неуместны, и созданные нами теории вызывают споры и разногласия. Все это — призраки, лишённые реальности.

Кто может сказать, где правда? Все слова пусты и бесплодны: кто знает, что существует и чего не существует? Таким образом, приходится признать, что наше достижение действительно не есть достижение, а потеря также не есть потеря. Я изложил свою точку зрения, и если я ошибаюсь, то, пожалуйста, направьте меня на истинный путь».

На это послание Хуэй-кэ ответил: «Ты поистине понял, что такое дхарма: глубочайшая истина заключается в принципе единства. Вследствие неведения человек принимает драгоценный камень за осколок кирпича, но смотрите же, как только он внезапно пробуждается и достигает просветления, то видит, что перед ним истинная драгоценность. Невежда и просветленный в сущности одно: в действительности не следует искать различий между ними. Следует знать, что все вещи таковы, каковы они есть. Те, кто усматривает в мире двойственность, достойны сожаления, и именно им я посвящаю это письмо. Если мы знаем, что ничто не отделяет это тело от Будды, то какой смысл тогда искать нирвану (как нечто, находящееся где-то вне нас самих)?»

Третий патриарх Сэнцань (Сосан, яп.)

Об этом человеке нам известно еще менее, чем обо всех прочих патриархах. Существуют такие люди, которые умудряются проходить по жизни, вроде бы совсем не оставляя в ней следов. Но после них остаются свершения. Итак, Сосан (606 г.) стал третьим китайским патриархом. Согласно «Истории», однажды к Эке явился мирянин лет сорока, вроде бы страдающий проказой (фэн-ян, *кит.*), и попросил учителя очистить его от скверны (вероятно, это слово несло двойной смысл — болезни и греха). Тогда Хуэй-кэ повел себя в стиле собственного учителя. Он сказал: «Принеси мне свои грехи сюда, и я очищу тебя от них». Помолчав, мирянин ответил: «Когда я пытаюсь найти их, они исчезают». Хуэй-кэ и дальше предпочел не оригинальничать: «В таком случае, я тебя уже совсем очистил. Отныне ищи убежища в Будде, дхарме и сангхе (братстве) и пребывай в них». Однако Сэнцань проявил настойчивость. «О, учитель, — сказал он, — я знаю, что ты принадлежишь к братству, но разъясни мне, пожалуйста, что такое Будда и дхарма».

Эка ответил: «Ум — это Будда, ум — это дхарма; Будда и дхарма едины. То же самое можно сказать и о братстве».

Такое объяснение искателя удовлетворило, и он сказал: «Сегодня я впервые понял, что грехи не внутри, не снаружи и не в середине; то же самое относится к уму, Будде и дхарме — все они едины» (7).

Как известно, Эка принял Сосана в монахи, но после этого тот совершенно исчез для мира. О его жизни вообще больше ничего не известно. Это можно отчасти объяснить тем, что император династии Северная Чжоу начал преследовать буддизм.

Лишь на двенадцатом году правления Кай-хуана династии Суй (592 г.) Сосан вдруг находит себе достойного преемника по имени Досин. Но о том следующая история.

«Слова доверия сердцу» («Синдзима») патриарха Сэнцаня (8)

Один из последующих лидеров чань Линьцзи (Риндзай, *яп.*) констатирует, что это творение Сэнцаня является первым четким и упорядоченным изложением доктрины чань. В связи с особой важ-

ностью данного небольшого текста приводим его целиком в усредненном переводе.

Великий Путь не труден,
следует лишь избегать предпочтений.
Когда нет ни приязни, ни неприязни,
все становится ясным и очевидным.
Но стоит провести тончайшее различие —
и небеса отрываются от земли.
Если хочешь постичь истину,
не придерживайся мнений.
Превозносить одно и принижать другое
есть помрачение сознания.
Когда глубинный смысл вещей не понят,
сущностный покой сознания тревожится без толку.

Путь совершенен подобно великому пространству,
которое объемлет все, в котором нет ничего лишнего.
Решая принять или отвергнуть,
лишаешь себя видения подлинной природы вещей.
Живи не во внешней тьме вещей
и не во внутренней пустоте.
Пребывай в безмятежном единстве с вещами,
и миражи эти исчезнут сами собой.
Пытаться достичь недеяния отказом от действия,
значит, вовлекаться в действие.

Впадая в одну из крайностей,
не познать единство.

Кто не живет в согласии с Путем,
тот уловлен деянием и недеянием, утверждением и отрицанием.

Отрицать реальность вещей,
значит, не заметить реальность.

Утверждать пустотность вещей,
значит, не заметить реальность.

Чем больше говоришь и думаешь об этом,
тем дальше уходишь от истины.

Останови речь и мышление —
и не будет ничего, недоступного познанию.

Возвращаться к корням,
значит, усмотреть смысл.

Устремляться к видимым формам,
значит, не заметить истока.

Просветление есть выход за пределы
видимых форм и пустоты.

Наблюдая перемены в пустом мире,
реальными их называют лишь в силу неведения.

Не ищи истину:

перестань лишь цепляться за мнения.

Не входи в противостояние,
все время будь готов из него выйти.
Малейший намек на «это» и «то», «правильное» и
«неправильное» —
и сущность сознания скрывается во мраке.
Хотя истоком раздвоения служит единство,
не привязывайся даже к единству.
Когда сознание утвердилось на Пути,
ничто не в силах его потревожить.
Когда вещь не может потревожить сознание,
прежнему ее существованию приходит конец.

Когда различающим мыслям приходит конец,
прежнего сознания более не существует.
Когда вещи исчезают, исчезает и сознание,
когда исчезает сознание, исчезают и вещи.
Вещи существуют благодаря сознанию,
сознание существует благодаря вещам.
Пойми относительность этих двух
и реальность единой пустоты, их общей основы.
В этой пустоте они неразличимы,
и в каждом из них заключена вся тьма вещей.
Кто не проводит различия между грубым и тонким,
тот не соблазнится и различными мнениями.

Жить в согласии с великим Путем
ни легко, ни трудно.

Но люди средней учености полны сомнений и
страхов,
и чем больше они спешат, тем медленнее идут.
Связывает любая привязанность,
и привязанность к идее просветления не лучше
других.

Если дать вещам идти своим путем,
то некуда будет приходить и неоткуда уходить.

Следуя своей природе, единой с природой вещей,
ты пойдешь свободно и безмятежно.

Когда мысль связана, истина сокрыта,
ибо все во мгле и тумане.

Тяжелая обязанность всему давать оценку
утомляет и раздражает.

В разделении и размежевании что хорошего?

Если хочешь следовать Путем,
не отвергай даже мира чувств и идей.

Ибо полное его приятие

есть истинное просветление.

Мудрый ничего не добивается,
невежда сам себя связывает.

Нет двух истин, истина одна,
раздвоение же служит нуждам неведения.
Пытаясь отыскать сознание при помощи сознания
не избежать великой путаницы.

Покой и движение порождены обманом чувств,
симпатия и антипатия исчезают с просветлением.
Все противоположности — плод заблуждения ума;
они подобны снам, цепляние за них безумно.
Обретение и утрата, правильное и неправильное, —
в конце концов такие мысли разом исчезают.

Когда глаза не спят,
сны уходят сами собой.

Когда ум не разделяет,
тьме вещей возвращается их единая сущность.

Познать тайну единой сущности,
значит, освободиться от пут.

Узреть равенство вещей,
значит, обрести свою сущность, неподвластную
времени.

С чем сравнить то,
что ничем не обусловлено и ни с чем не связано?

Узри постоянство движения и движение постоянства —

движение и покой исчезнут.

Когда нет противоположностей,

нет и единства.

Это великий предел —

неизречим, неисчислим.

В неразделенном сознании, созвучном Пути, угасают эгоцентрические устремления.

Колебаниям и сомнениям приходит конец,

и возможной становится жизнь в истинной вере.

Одним ударом мы освобождаемся от пут:

ничто не связывает нас, и мы ни к чему не привязаны.

Все становится легким, ясным и самоочевидным, не требуя участия ума.

Ни мысль, ни понимание, ни знание, ни представление

здесь не нужны.

Ни сознающего, ни создаваемого нет

в этом мире Таковости — мире «того, что есть».

Чтобы войти в согласие с Путем,

просто говори сомнениям: «Нет двух».

«Нет двух» — ничто не отделено, ничто не исключено.

Где и когда бы ни случилось просветление, оно является проникновением в эту истину.

Истина за пределами великому и малому в пространстве и времени.

Единый миг равен десяти тысячам лет, ибо пустота здесь и пустота там.

Бесконечная вселенная, стоящая пред глазами, бесконечно велика и бесконечно мала.

Разницы нет, ибо когда определения ума исчезли, границ меж ними не видать.

Где бытие?

И где небытие?

Так не теряй же время в рассуждениях о недоступном рассуждениям.

Одна ли вещь, тьма ль вещей —

иди средь них, сливаясь без различий.

Жить так,

значит, не печалиться несовершенством.

Довериться этому,

значит, идти путем недвойственности.

Потому что недвойственность едина с доверившимся ей сердцем.

Слова! О Пути нельзя сказать, ибо на нем нет ни вчера, ни завтра, ни сегодня.

Молитва

Однажды император попросил Мастера Сосана прийти во дворец и помолиться за него. Сосан пришел, но молиться отказался. Он сказал: «Это невозможно. Есть несколько вещей в жизни, которые каждый должен делать сам. Например, если вы хотите обнять женщину, то я не могу сделать это за вас, от вашего имени. Или если вы хотите высморкаться, то вам самому придется сделать это. Я не могу сделать этого за вас, это не поможет. То же самое в отношении молитвы. Как я могу молиться за вас? Вы молитесь, и я буду молиться вместе с вами».

Четвертый патриарх Даосин (Досин, *яп.*)

Рассказывают, что однажды он попросил учителя: «Покажи мне, пожалуйста, путь освобождения». «Кто же и когда тебя поработил?» — был мгновенный ответ. «Никто», — обескуражено отозвался уче-

ник. «Но, коли это так, — безжалостно продолжал Сосан, — тогда зачем же тебе искать освобождения?»

Говорят, что именно эта реплика Сосана послужила начальному пробуждению молодого человека, а затем под руководством учителя он добился и конечного освобождения. Во всяком случае, именно ему передал перед смертью Сосан патриаршую ясу, которую он носил с 580 по 651 год.

Даосин и мальчик

Однажды к патриарху явился мальчик, и, когда Даосин предложил ему назвать свою фамилию (син, кит.), тот ответил: «Я обладаю природой (син; в китайском слова фамилия и природа звучат одинаково), и эта природа необыкновенна». «Что же это такое?» — спросил учитель. «Это природа Будды (фу-син, *кит.*)». «В таком случае у тебя нет фамилии». «Нет, учитель, — согласился мальчик, — потому что она пуста по природе».

Несложно разобраться в этой игре слов. Когда учитель спросил мальчика о фамилии, юный последователь чань умышленно обратил внимание учителя на второе значение слова «син», желая перевести вопрос в плоскость пустотности всех понятий.

Такой ответ очень понравился Даосину. Впоследствии этот мальчик под именем Хундженъ (Гунин, *яп.*) стал пятым патриархом чань.

Встреча Даосина с Хою

В период четвертого патриарха возникло еще одно течение чань (ню-тоу-чань, или годзу-дзэн), которое в дальнейшем не получило распространения. Его основателем стал некто Хою, живший у горы Ню-тоу. Как гласит предание, в эпоху Чень-гуань Даосин прослышал о святом человеке и отправился к нему к горе Ню-тоу, проделав неблизкий путь. Добравшись до небольшого буддийского храма в горах, патриарх стал расспрашивать о Хою у монахов. Ему сообщили, что это — простой отшельник, который ни на кого не обращает внимания, никого не приветствует и даже не встает с места, когда к нему обращаются. Даосин все-таки добрался до нужного места и увидел человека, который сидел в спокойном созерцании и не обратил на патриарха ни малейшего внимания.

Все же Даосин спросил отшельника, чем он занят. «Я размышляю над умом», — хмуро отвечал тот. «А кто есть тот, кто размышляет, — заинтере-

совался Даосин, — что такое ум, над которым он размышляет?»

Хою почувствовал, что не в состоянии ответить на эти вопросы. Тогда он встал, поприветствовал пришельца и поинтересовался, кто он. Узнав же, что к нему пожаловал сам Даосин, о котором отшельник достаточно слышал от монахов и мирян, он вежливо поблагодарил патриарха за оказанную честь.

Прошло немного времени, и хозяин пригласил гостя войти в небольшую хижину, стоявшую неподалеку. В этот момент Даосин увидел, что вокруг нее бродят тигры и волки. В притворном испуге патриарх поднял руки.

Тогда Хою заметил: «Я вижу, он еще с тобой».

Четвертый патриарх моментально спросил: «Что же, однако, ты видишь?» Отшельник не нашелся, что ответить. Спустя еще небольшое время патриарх написал иероглиф «Будда» (Фу) на камне, на котором Хою обычно размышлял. Это простое действие потрясло отшельника. И тогда патриарх сказал: «Я вижу, он еще с тобой».

Хою опять не понял смысла этих слов, и стал искренне умолять Даосина раскрыть ему суть учения Будды. Его просьба была удовлетворена, и он

впоследствии стал основателем дзэн-буддийской школы «годзу».

Умер Даосин в 651 году в возрасте семидесяти двух лет.

Кто же был на самом деле тот мальчик, что стал патриархом Хундженем (Гунином)

Как известно, Даосин достиг пробуждения в молодом возрасте, ближайший его ученик Цзайсун был уже довольно стар. Как-то Даосин сказал ему: «Мне бы хотелось передать учение именно тебе, но ты уже слишком стар для этого. Если бы ты смог сейчас еще раз вернуться в утробу женщины, то я подождал бы тебя в этом мире».

Приняв слова патриарха к действию, Цзайсун простился с ним и ушел, куда глаза глядят. На берегу реки ему повстречалась девушка, полоскавшая пряжу. Старик обратился к ней с просьбой: «Нельзя ли немного пожить в твоём доме?» — «У меня есть отец и братья, и сама я не могу решить этот вопрос, а потому ступай и спроси у них». Но старик уперся: «Нет, вначале ты согласишься сама, а потом уж я пойду спрашивать». Девушка погляде-

ла на ветхого старика, казавшегося таким жалким и усталым, и кивнула в знак согласия.

А потом случилось чудо: вернувшись домой, эта незамужняя девица понесла. Естественно, ее родные сочли, что она их жестоко опозорила, и выгнали бедняжку из дома. Пришлось ей наняться в батрачки. Спустя положенный срок, у нее родился мальчик, и тут его бедная мать заметила, что ребенок сияет небесным светом. Чтобы выжить, матери с сыном приходилось тяжело трудиться и даже просить подаяние.

Поскольку отец ребенка был неизвестен, жители деревни окрестили его Бесфамильным (Усин эр, *кит.*). Однажды, когда ребенку шел восьмой год, в эти места прибыл с проповедями патриарх Даосинь. Едва увидев его, Бесфамильный крепко схватился патриарха за рясу и потребовал, чтобы тот постриг его в монахи. Даосинь взглянул на малыша и, погладив его по головке, сказал: «Ты еще слишком мал, чтобы становиться монахом».

Но ребенок горестно, совсем как взрослый, произнес: «Наставник! Раньше вам не нравилось, что я слишком стар, а сейчас не нравится, что я слишком молод. Так когда же, наконец, я смогу принять постриг?»

Тут Даосин прозрел и спросил мальчика: «Что у тебя за фамилия?» А дальше мы уже знаем эту историю, в которой еще очень юный будущий патриарх столь удачно продемонстрировал свою компетентность в доктрине чань.

Пятый патриарх Хунджень (Гунин, *яп.*)

Пятый патриарх чань (602–675) был родом из той же провинции, что и его предшественник. (Провинция Ци-чжоу сейчас входит в район Ху-бэй.) Храм, в котором он проповедовал чань своим ученикам (которых насчитывалось около пятисот), был расположен на горе Желтая Олива (Хуан-мэй-Шань). Сегодня некоторые ученые мужи убеждены, что он был первым учителем чань, пытавшимся истолковать его в свете доктрины «Ваджрачхедика-сутра». Вообще принято считать эпоху пятого патриарха поворотным пунктом в истории чань, хотя во всей полноте эта доктрина раскрылась уже при Хуэй-нэне, шестом патриархе.

Последний патриарх чань Хуэй-нэн (Эно, *яп.*)

Каноническая история шестого патриарха

Шестой патриарх Хуэй-нэн, Эно, по-японски (638–713), был родом из Синь-чжоу, что на юге Поднебесной. Будучи еще подростком (настоящая его фамилия Лу), он лишился отца и был вынужден содержать мать, занимаясь мелкой торговлей древесиной в городе. Однажды, выходя из дома, в котором он продал вязанку дров, мальчик услышал, как некий человек читает вслух буддийскую

сутру. То, что он услышал, тронуло его до глубины души. Узнав название этой сутры, а затем даже умудрившись каким-то образом раздобыть драгоценный текст, он затем вознамерился изучить ее под руководством опытного наставника. В наставники себе юноша избрал не кого иного, как самого пятого патриарха, жившего в ту пору у горы Желтая Олива в Ци-чжоу. С огромным трудом раздобыв немного денег на пропитание матери в свое отсутствие, он отправился с «Ваджрачхедикой» («Бриллиантовая сутра») в неблизкий путь.

Целый месяц понадобился ему, чтобы добраться до монастыря (в ту пору в обители Гунина насчитывалось пятьсот или даже больше монахов) и пасть к ногам великого наставника.

Патриарх был резок с юношей и сразу же спросил:

— Откуда ты и зачем сюда явился?

— Я крестьянин из Синь-чжоу. Я хочу стать Буддой, — честно ответил Эно.

— Выходит, ты южанин, а южане лишены природы Будды, — уверенно заявил патриарх. — И как это только ты посмел надеяться достичь совершенства Будды?

Однако этого юношу оказалось нелегко обескуражить даже самому Хундженю. Недолго думая, он отвечал:

— Человек может быть с севера или юга, но что касается природы Будды, то какие же могут быть тут территориальные разграничения!

Смелый ответ настолько понравился патриарху, что Эно тут же был принят в братство, правда, послушником самого низшего ранга. Ему поставили задачу — просто молоть рис. И говорят, что он со всем усердием занимался этим полезным делом месяцев восемь, или даже дольше.

Между тем настал тот важнейший момент, когда пятый патриарх решил выбрать из числа учеников своего будущего преемника. Было официально объявлено, что тот из числа монахов, кто докажет наиболее глубокое понимание доктрины чань, получит вожденную рясу патриарха и станет законным наследником Хунджена.

В ту пору самым продвинутым, как теперь говорят, монахом считался Дзинсю (706 г.); предполагалось, что именно он обладает и наиболее глубокими познаниями и глубже всех прочих проник во все тонкости доктрины. Никто из собратьев не сомневался, что именно Дзинсю достанется ряса патриарха.

Само же испытание состояло в том, чтобы в форме простого четверостишия (гатха) наиболее полно и точно выразить мировосприятие чань.

Естественно, Дзинсю сочинил свое четверостишие и вывесил его на стене в зале для медитации, нимало не сомневаясь в своей победе. Это стихотворение гласило:

Древо мудрости есть тело.

А гладь зеркальная – душа.

Держи их в чистоте всегда,

Смотри, чтоб пыль на них не села.

Большинство монахов сошлось в том, что суть учения лучше не выразишь. Теперь уже никто не сомневался, что именно автору этой гатхи отдаст предпочтение патриарх. Какого же было удивление монахов, когда, проснувшись на следующее утро, рядом с первым четверостишием они увидели на той же стене и другое:

Нет древа мудрости (бодхи),

И нет зеркальной глади;

С начала самого нет ничего –

Так что же может пылью покрываться?

Автором этих строк оказался младший послушник, почти мирянин, выполнявший в монастыре самую простецкую работу и почти не участвующий

щий в ученых диспутах. Тот самый парнишка, который до сих пор перемалывал рис да колол дрова!

Этот парнишка всегда держался так скромно, что вообще никто не принимал его всерьез, а тут он посмел бросить вызов самому выдающемуся из монахов (не считая, конечно, самого патриарха)! Но Хундженъ посчитал совсем не так. Правда, у старого патриарха, хорошо знавшего свою паству, возникли небезосновательные опасения: ведь объяви он сейчас Хуэй-нэна своим преемником, последний мог бы от этого пострадать.

Патриарх поступил мудро – вызвал Эно к себе ночью, когда остальные монахи спали, вручил ему патриаршую рясу и посоветовал скрыть до поры свои духовные достижения. Он также повелел не передавать далее рясу Бодхидхармы, так как предвидел, что во время патриаршества Хуэй-нэна учение окрепнет настолько, что в дальнейшем отпадет надобность в символической передаче истины. Как мы знаем, все так и случилось.

И в ту же ночь Хуэй-нэн тайно покинул монастырь.

Рассказывают, что дня через три после того, как Эно бесследно исчез с горы Желтая Олива, извес-

тие о неслыханном происшествии разнеслось по всему монастырю и наделало немало шума. Группа возмущенных монахов, возглавляемая Ме-дзедзой, пустилась в погоню за беглецом. И, конечно, его настигли на горном перевале уже довольно далеко от монастыря. Тогда Хуэй-нэн положил свою рясу на камни и сказал монаху Ме-дзедзе: «Эта ряса символизирует нашу патриаршую веру, ее нельзя отобрать насильно. Однако, если ты этого так хочешь, пожалуйста, забери ее».

Ме-дзедзе попытался поднять патриаршую рясу, но она оказалась тяжелой, как гора. Тогда монах затрепетал в благоговейном ужасе и воскликнул: «Я пришел сюда, чтобы получить веру, а не рясу. О, брат мой, умоляю тебя, рассея мое неведение».

И будущий шестой патриарх смиловился: «Если ты пришел за верой, оставь все свои страстные стремления. Не думай ни о добре, ни о зле, но посмотри, каков в данный момент твой первоначальный лик, который ты носил еще до своего рождения».

Получив это указание, Ме-дзедза моментально постиг ту внутреннюю истину, которую прежде он искал во внешних вещах. Он вдруг прозрел, точно выпил полную чашу холодной воды и утолил жаж-

ду. Переживание, испытанное монахом, было столь грандиозно, что он буквально обливался потом и слезами. С величайшим благоговением он подошел к учителю, приветствовал его поклоном и спросил: «Кроме того скрытого смысла, который заключается в этих важных словах, есть ли еще что-нибудь тайное?»

Хуэй-нэн отвечал: «В том, что я тебе показал, нет ничего потаенного. Если ты размышляешь внутри себя и узнаешь свой лик, который был твоим до сотворения мира, то тайна — в тебе» (9).

Гунин умер в 675 году и лишь через четыре года после этого (а некоторые указывают и более длительный срок — вплоть до 15 лет) Эно приступил к выполнению своей миссии. До тех же пор он, по совету своего наставника, жил в горах жизнью отшельника.

В миру он появился лишь в 39 лет, и было это в первый год И-фэна (676 г.) во времена династии Тан. Хуэй-нэн пришел в храм Фа-син в провинции Гуан, где ученый священник Инею комментировал Нирвану-сутру. Патриарх увидел, как несколько монахов спорили, собравшись возле трепещущего флага. Один из них утверждал: «Флаг является нео-душевленным предметом, и не что иное, как ветер

заставляет его колыхаться». На это другой монах возражал, что «и флаг и ветер — вещи неодушевленные, тогда вроде бы колыхание невозможно». Третий аргументировал процесс тем, что «колыхание вызвано определенным сочетанием причин и следствий». Ну, а четвертый предлагал собственную версию: «В конце концов, нет колышущегося флага, это просто ветер движется сам собою». Спор разгорался все сильнее, но Эно прервал его одним лишь замечанием: «Колышутся ни ветер и ни флаг, а ваш разум».

Спор монахов моментально прекратился. Сам ученый священник Инею был потрясен заявлением Эно, показавшимся всем абсолютно убедительным и авторитетным.

Выяснив вскоре, кто был этот человек, Инею попросил его поведать ему об учении учителя с горы Желтая Олива. Хуэй-нэн ответил очень просто: «Мой учитель не давал каких-то особых указаний: он просто настаивал на необходимости узреть нашу собственную природу при помощи наших собственных усилий; он не принуждал к какой-то медитации, приносящей освобождение. Дело в том, что все, что может быть названо, ведет к двойственности, а истинному учению двойственность чужда.

Ухватить эту недвойственность истины — цель дзэна. Природа Будды, которой все мы обладаем и постижение которой составляет цель дзэн, не может быть разделена на такие противоположности, как добро и зло, вечное и преходящее, материальное и духовное. Человек видит двойственность в жизни вследствие помутнения разума: мудрый, просветленный видит реальность вещей, не затемненную ложными идеями».

Так началась для Хуэй-нэна патриаршая деятельность. Впоследствии у него были тысячи учеников. Тем не менее он никогда не бродил с проповедями по белу свету, но прочно осел в собственной южной провинции, а своей резиденцией избрал монастырь Бао-линь в Цао-ци.

Когда дошло до императора, что преемником Гунина является Хуэй-нэн, он послал к нему кого-то из придворных с официальным приглашением приехать в столицу, которое Эно отклонил, предпочтя оставаться в своих горах.

Посланник, однако, пожелал получить указания, касающиеся доктрины чань, чтобы затем передать их при дворе. Хуэй-нэн ответил приблизительно следующее:

«Ошибочно предположение, будто для того, чтобы достичь освобождения, нужно просто сидеть и предаваться созерцанию. Истина чань открывается сама собой изнутри и не имеет ничего общего с практикой дхьяны, ибо мы читаем в «Ваджракчедике», что тот, кто пытается узреть Татхагату при помощи той или иной особой позы, сидя или лежа, не понимает духа его, не понимает того, что Татхагату называют Татхагатой потому, что он приходит из «ниоткуда» и уходит в «никуда», и по этой причине он Татхагата. Он появляется неизвестно как и исчезает неизвестно куда, а это и есть дзэн. В дзэне поэтому нечего достигать и нечего понимать; тогда зачем сидеть, скрестив ноги, и практиковать дхьяну? Некоторые могут подумать, что понимание необходимо для того, чтобы разогнать тьму неведения, но истина дзэна абсолютна, в ней нет дуализма и условности. Если мы станем говорить о неведении и просветлении или о «бодхи» и «клеша» (мудрости и старости) как об отдельных объектах, которые не могут слиться в одном, то это будет противоречить учению махаяны. В махаяне всякая возможная форма дуализма осуждается, так как не выражает высшей истины. Все является проявлением природы Будды, которая ни осквер-

нена страстями, ни очищена в просветлении. Она выше всех категорий. Если вы хотите постичь природу своего собственного существа, освободите свой ум от мысли об относительном, и вы увидите, как безмятежна она и в то же самое время как много жизни заключено в ней».

С наибольшей полнотой доктрина чань в интерпретации Хуэй-нэна изложена в его знаменитой «Сутре помоста о сокровище закона» (Фа-бао-тань-цын), которую учитель поведал незадолго до своей смерти.

Умер последний патриарх чань в 713 году, то есть в тот счастливый период, когда китайская культура находилась на вершине своего исторического развития.

Немногим более ста лет спустя после его смерти Рю Соган, один из самых знаменитых ученых в истории китайской литературы, оставил памятную надпись на надгробии шестого патриарха (император Сиен-цун посмертно пожаловал Эно титул «Большого Зеркала» (Дай-чень). Эта надпись гласит: «Шестым патриархом после Бодхидхармы был Дай-чень. Сначала он работал в качестве слуги. Несколько слов учителя было достаточно, чтобы он моментально понимал глубочайший смысл, содержащийся в них. Он произвел на учителя очень большое

впечатление и в конце концов получил от него символ веры. После этого он скрывался в южных областях, и в течение шестнадцати лет никто ничего не знал о нем. Наконец, он решил, что пришло время объявиться в мире. Он обосновался в Цао-цих (таково название места, которое Эно сделал центром чаньской веры) и начал проповедовать».

Предание о Хуэй-нэне с головой быка

Рассказывают также, что на самом деле Хуэй-нэн не умер, а, подобно многим великим подвижникам прошлого, отправился в горные просторы Тибета, чтобы затеряться в них, словно в вечности. По пути (уже в Пустыне трав) ему пришлось заночевать. В это время на него набрели разбойники. Прельстившись главным образом дорогими книгами, которые Эно забрал с собой, они отрубили патриарху голову.

От боли Бодхисаттва пробудился, сорвал голову с буйвола, который пасся неподалеку, прилепил ее себе на шею и затем самым действенным образом преподавал свою доктрину действия в соответствии с собственной природой разбойникам, которым не

позавидуешь. Потому-то имеются иконографические изображения, на которых Хуэй-нэн показан с бычьей головой.

Патриарх и ученик Северной школы

Как-то один из учеников Дзинсю, главы Северной школы чань (10), явился к Эно, чтобы изучить дзэн под его руководством. Для начала патриарх спросил его, чему же его учил Дзинсю. Ученик отвечал так: «Мой учитель обычно учил останавливать умственную деятельность и сидеть спокойно в медитации в течение долгого времени и не ложиться».

На это Эно возразил: «Остановить умственную деятельность и сидеть спокойно в медитации — это болезнь, а не дзэн, и нет никакой пользы в том, что человек будет долго сидеть в одной позе». В пояснение своих слов он тут же предложил ученику следующую гатху:

*Пока человек живет, он сидит и не ложится,
Когда он мертв, он лежит и не садится;
Груда зловонных костей.
К чему же труды и старания?*

Нравственность, мудрость и медитация

Однажды в беседе с монахом с Севера Чжичжэном патриарх спросил у него:

— Я слышал, будто ваш наставник чань в своем обучении передает ученикам только шилу (нормы нравственности), дхьяну (медитация) и праджня (трансцендентная мудрость). Объясни же мне, что это за шила, дхьяна и праджня, которым он учит.

Чжичжэн отвечал:

— Отец-настоятель Шэпью, объясняя их, говорит, что не совершать злые деяния — это и есть шила; напротив, совершать различные добрые деяния — это называется праджня (мудрость); очищать свое сознание — это есть дхьяна (медитация). Вот что называет он шилой, дхьяной и праджней и этому учит нас в своих проповедях. А как понимаете это вы, отец-настоятель?

Патриарх Хуэй-нэн покачал головой:

— Прекрасное толкование, но у меня — другая точка зрения.

Чжичжэн спросил:

— В чем же она заключается?

Хуэй-нэн ответил:

— Постигание бывает медленное и быстрое.

Тогда Чжичжэн попросил патриарха объяснить, как он понимает шилу, дхьяну и праджня.

Патриарх начал:

— Выслушай мои объяснения, и ты поймешь, как я вижу это. Основа сознания, не совершающая ошибок, является шилой (нравственностью) собственной природы; основа сознания, не подверженная волнениям, является дхьяной собственной природы; основа сознания, не омраченная невежеством, является праджней собственной природы.

А затем великий наставник Хуэй-нэн добавил:

— Ваша шила, дхьяна и праджня призваны воодушевлять людей малых способностей, а моя шила, дхьяна и праджня призваны воодушевлять людей высших способностей. Если можно обрести просветление в своей собственной природе, то не нужно опираться на шилу, дхьяну и праджня.

Чжичжэн попросил:

— Объясните, пожалуйста, что значит «не опираться».

Патриарх сказал:

— Наша истинная природа никогда не ошибается; она не подвержена волнению, не омрачена неве-

дением. Каждая наша мысль озарена праджней и всегда свободна от внешних признаков вещей. Так зачем же нужно на что-то опираться?! Собственная природа самопроявляется внезапно, и внезапная пробуждение не имеет постепенной последовательности, поэтому она и не опирается ни на что».

Чжичжэн поклонился и после этого остался на горе Цао-цих, вступил в школу Хуэй-нэна и не отходил затем от великого наставника ни на шаг.

Как видеть и не видеть

Другой монах по имени Шэньхуэй родом из Наньяна тоже пришел на гору Цао-цих и, совершив поклон учителю, спросил:

— Когда вы, сидя, медитируете, вы видите или нет?

Наставник поднялся, трижды ударил Шэньхуэя и спросил, в свою очередь:

— Шэньхуэй, когда я бью тебя, тебе больно или не больно?

Монах ответил:

— И больно, и нет.

Тогда патриарх сказал:

— Вот и я тоже и вижу, и не вижу.

Шэньхуэй попросил:

— Великий наставник! Объясните, что означает «и вижу, и не вижу».

Патриарх ответил:

— Когда я говорю «вижу», то имею в виду, что всегда вижу собственные ошибки и недочеты. Это я называю «видеть». Когда я говорю «не вижу», то имею в виду, что не смотрю на ошибки и пороки других людей Поднебесной. Поэтому я и говорю, что вижу и не вижу одновременно. Ну, а как насчет твоего «и больно и не больно»?

Шэньхуэй ответил:

— Если совсем не больно, то, значит, я уподобился бесчувственному дереву или камню; если больно, то, значит, я как всякий обычный человек подвержен дурным эмоциям.

Тогда великий наставник сказал:

— Шэньхуэй, «видеть и не видеть», о которых ты спрашивал, есть двойственность; «больно или не больно» есть рождение и уничтожение. Ты еще не достиг созерцания своей собственной природы, но осмелился прийти сюда, чтобы дурачить людей.

Шэньхуэй поклонился, не проронив ни слова.

Великий наставник продолжил:

— Твое сознание омрачено неведением, и сам ты не можешь видеть, а потому найди доброго друга-

наставника, обладающего обширными познаниями, чтобы он показал тебе Путь. Ты должен созерцать свое собственное сознание, чтобы пробудить его, и должен практиковать это в соответствии с Учением. Поскольку сам ты омрачен неведением и не зришь свое сознание, ты приходишь ко мне и спрашиваешь, вижу я или нет. Даже если сам я вижу и знаю, то это не исправит твоих заблуждений.

Даже если сам ты видишь, то это тоже не может заменить мои заблуждения. Как ты можешь спрашивать меня, вижу я или нет, если ты сам не занимаешься практикой?!

Шэньхуэй поклонился и вступил в школу. Он не покидал горы Цао-цих и всегда старался быть рядом с патриархом.

Последнее наставление патриарха

Накануне своего ухода из жизни Хуэй-нэн созвал всех монахов, сообщил им о том, что намерен покинуть мир, и сказал, что напоследок даст им одну гатху, гатху об истинной реальности и иллюзии, движении и покое.

— Если вы все будете повторять ее и прозревать ее смысл, то станете одним целым со мной. Практикуйте самоусовершенствование в соответствии с ней и вы не потеряете суть учения нашей школы.

Вся монашеская братия склонилась перед своим наставником и просила патриарха оставить им эту гатху, обещая с благоговением в сердце принять и хранить ее.

Гатха гласит:

Все вещи не имеют реальности,

А потому следует освободиться от идеи реальности вещей.

Тот, кто верит в реальность вещей,

Живет в совершенно нереальном мире.

Тот, кто может обрести истинную реальность в самом себе,

Освобождается от иллюзорности феноменального

мира, обретая истинное сознание.

Но если в собственном сознании не освободиться от иллюзий,

То где найдешь реальность, когда все ирреально?!

Живые существа, обладающие чувствами, вовлечены в движение;

Бесчувственные объекты недвижимы.

Если культивировать абсолютную неподвижность, То можно уподобиться мертвой неподвижности бесчувственных вещей.

Если же вы хотите обрести истинный покой, То нужно сохранять покой в движении.

В полной и абсолютной неподвижности нет ничего, кроме неподвижности,

Как в вещах мертвых и бесчувственных нет семян буддовости.

Умея хорошо различать внешние признаки вещей,

Неуклонно держитесь абсолютного принципа;

Если вы прозреете и осознаете это,

То, значит, будете действовать в соответствии с истинной реальностью.

Призываю всех, изучающих Путь:

Необходимо приложить все усердие,

Чтобы освободиться во вратах махаяны

От привязанности к рождениям-и-смертям.

Если в будущем вы встретите человека, с которым вам суждено встретиться,

То обсудите вместе с ним слова Будды.

Если же окажется, что в действительности между вами нет кармической связи,

То нужно лишь молитвенно соединить свои ладони и воодушевить его к добру.

Но не нужно спорить с ним, так как в нашем учении издревле не принято оспаривать друг друга, Ибо споры означают утрату истинного смысла

Пути.

И тот, кто оспаривает врата Дхармы,

Погружается во мрак неведения,

Вовлекая свою собственную природу в круговорот смертей-и-рождений.

Внимательно выслушав гатху, монашеская братия постигла смысл поучений великого наставника. Все монахи как один поклонились ему и выразили свое почтение, осознав, что великий наставник не останется больше в этом мире.

Честный ответ

Как известно, Дхарму от шестого патриарха унаследовал Син-сы; его, кстати, поэтому часто называли «седьмым предком». В дальнейшем два преемника Син-сы, Дун-шань и Цао-шань, основали секту Цаодун, ставшую одной из пяти главных чаньских сект Китая.

Итак, Син-сы из монастыря Цинн-юань задал шестому патриарху вопрос: «Что нужно делать, чтобы избежать прохождения последовательных ступеней в развитии». (Имеются в виду ступени метода постепенного просветления.)

Патриарх спросил у своего ученика: «Что практиковал ты сам в последнее время?»

Син-сы честно ответил: «Я не практиковал даже Благородных Истин (Четыре Благородные Истины о страдании и пути к избавлению от них, сформулированные самим Буддой)».

Патриарх спросил: «В таком случае каких же последовательных ступеней ты хочешь избежать?»

Син-сы ответил: «Я не практикую даже Благородных Истин, так где же тогда последовательные ступени?»

Хуэй-нэн высоко оценил ответ Син-сы.

Другие великие наставники чань

Бодхисаттва Фу

Бодхисаттва Фу (Фу Да Ши) появился на свет в четвертый год правления Цзянь У (497 г.) из династии Нань Чи. Он был уроженцем области Дун Ян; в миру его звали Фу. Женившись в шестнадцать лет, он имел двух сыновей. Когда ему было двадцать четыре года, он повстречал одного индийского аскета, который сказал ему: «Мы с тобой приняли один и тот же обет у будды Вапашьина (первого из семи будд древности), и твои платье и чаша все еще находятся во дворце на небе Тушита. Когда ты туда возвратишься?» Аскет указал на вершину и

предложил Фу остаться на ней и заняться медитацией. Однажды у наставника было видение трех будд: Шакьямуни, Вималакирти (которого также называют «Татхагатой Золотое Зерно») и Дипанкары, испускавших лучи света, которые освещали его тело. После реализации им Шурангама-самадхи, в котором все вещи воспринимаются в их окончательной невозмутимости, он понял, что достиг девятой ступени Бодхисаттвы; отсюда и его второе имя — Шань Хуэй.

Фу Да Ши был современником Бодхидхармы, но ему, как и индийскому патриарху, не удалось пробудить императора Лян У Ди.

Наставления императору

Однажды император Лян У Ди пригласил наставника Шань Хуэя дать толкование «Алмазной сутры». Заняв место перед императором, наставник тут же ударил линейкой по столу и сошел обратно. Император заметно испугался, а наставник спросил его: «Ваше Величество не понимает?» Император ответил: «Нет!» Святой наставник сказал: «Бодхисаттва закончил толкование сутры».

В другой раз, надев на себя поношенное платье, шляпу и туфли, Бодхисаттва пришел во дворец

императора, который спросил его: «Ты — монах?» В ответ Бодхисаттва показал пальцем на свои туфли. «Ты — праздный человек? — спросил император. В ответ Бодхисаттва показал пальцем на свое монашеское платье.

Его гатха звучит так:

Безрукие держат мотыгу.

Пеший шагает, верхом на водяном буйволе.

Человек переходит через мост -

Течет мост, а не вода.

Комментарий действий Бодхисаттвы Фу из «Рассказов о знаменитых упасака»

Восхождение наставника на место перед императором, удар по столу и сошествие его обратно должны были продемонстрировать Высшую реальность, раскрытую в «Алмазной сутре». Это был наилучший способ показать свое чистое и ясное сознание, присущее каждому человеку, которое и отвечает за все привычные действия, совершаемые в повседневной жизни.

Он явился во дворец во второй раз, чтобы просветлить императора. В стародавние времена, как и в наш современный век, люди придавали огромное значение наружности человека, его званиям и социальному положению. Поскольку все это не имеет никакого значения применительно к Дхарме Будды, Фу надел на себя шляпу, монашеское платье и туфли, чтобы устранить все представления о форме, внешних проявлениях, наружности и свойствах, как тому учит «Алмазная сутра». Обычно монах не носит шляпу, даос — туфли, а мирянин — монашеское платье.

Теперь толкование гатхи. Первая ее строчка означает: «безрукое» сознание использует феноменальную человеческую форму, которая одарена двумя руками, чтобы держать мотыгу.

Вторая строчка означает: у феноменального человека есть сознание, ему изначально присущее, которое и направляет обе его ноги во время ходьбы.

Переход человеком моста раскрывает то, что входит в его тело при рождении и покидает его в момент смерти.

В четвертой строчке подразумевается то, что мост, или человеческое тело, подвержен постоянным из-

менениям, тогда как вода, или сущностная природа, непреложна и никогда не меняется.

Чаньский учитель Мацзу Даои («Путь Единого»)

Проповедовал в провинции Цзянси, хотя сам был выходцем из уезда Шифан области Ханьчжоу. Родовое имя его — Ма. Ушел из мирской жизни в монастырь Лоханьсы — «Монастырь Архатов».

Как говорили, отличаясь видом странным и необычным, он обладал поступью быка и взглядом тигра. Еще в детские годы он принял постриг у преподобного Тана из области Цзычжоу, а полное посвящение получил от наставника Юаня из уезда Юйчжоу.

В годы Кайюань (713–742) он практиковал созерцание в монастыре Цюаньфасы, что на горе Хэнюэ, где и повстречал преподобного Наньюэ Хуайжана.

Хуайжан понял, что перед ним — истинный «Сосуд Дхармы» и спросил: «Уважаемый, в чем цель вашего сидения в созерцании?»

Наставник ответил: «Я хочу стать Буддой».

Тогда Хуайжан взял камень и принялся полировать его перед своим скромным жилищем. Наставник спросил:

— Зачем вы делаете это?

— Хочу отполировать его до такого состояния, чтобы он превратился в зеркало, — ответил Хуайжан.

— Да разве можно, полируя камень, превратить его в зеркало? — вновь спросил Наставник.

— Если, полируя камень, нельзя превратить его в зеркало, так можно ли, просто сидя в созерцании, стать Буддой? — ответил Хуайжан.

— Но как же тогда этого достичь? — спросил Наставник.

— Если быка впрягли в повозку, а повозка все же не трогается с места, так кого же надо погонять — быка или повозку?

Наставник ничего не ответил.

А Хуайжан заговорил вновь:

— Что является твоей целью — научиться созерцанию (чань, дхиане) или стать Буддой? Если ты учишься тому, как сидеть в созерцании, то чань не заключен ни в сидении, ни в лежании. Если ты учишься тому, как стать Буддой, то Будда не имеет никаких фиксированных проявлений. Если же говорить о

Дхармах, что не пребывают нигде, то нельзя не принимать, ни отвергать их. Если ты, сидя, желаешь стать Буддой, то тем самым ты убиваешь Будду. Если ты ухватываешь лишь внешние проявления, то не достигнешь истины.

Когда Учитель услышал эти наставления, он почувствовал себя будто опьяненным чудесным нектаром. Он уважительно склонился перед Хуайжаном и спросил: «Так каким же образом, используя Сердце, могу я соединиться с самадхи, что не имеет выражения?»

Хуайжан ответил: «Если ты будешь изучать метод Сердца-основы учения Дхармы, то это будет подобно тому, как сажать семена. Когда я начну объяснять тебе основы Учения, то это будет подобно дождю, что проливается с небес. И поскольку все кармические проявления единятся в тебе, то ты сумеешь узреть Путь».

Мацзу продолжил спрашивать:

— Если Путь не имеет никаких проявлений, то как же можно узреть его?

— Око Дхармы, что заключено в Сердце-основе, само сумеет узреть его, — ответил Хуайжан, — равно как узреет оно и самадхи, что не имеет никаких проявлений.

— Бывают ли на этом Пути достижения и неудачи? — поинтересовался Наставник.

— Если смотреть на Путь сквозь призму достижений и неудач, то его никогда не увидеть. Вслушайся в строки, что сложил я:

Сердце-основа содержит бесчисленное множество семян.

Как только польешь их, они тотчас взойдут.

Цветы самадхи не имеют проявлений.

Так откуда же взяться достижениям и неудачам?

Услышав гатху, Наставник тотчас обрел пробуждение, после чего десять осенних периодов подряд приходил к Хуайжану, чтобы до конца постигнуть его утонченное учение.

История с тачкой

Как-то раз в монастыре монах Иньфэн толкал тачку, а Мацзу сидел на его пути, вытянув ноги. Иньфэн спросил:

— Учитель, прошу вас, уберите ноги.

— То, что уже вытянуто, не может быть убрано, — отвечал Мацзу.

— То, что уже идет вперед, не может пойти назад, — сказал Иньфэн.

Он продолжал толкать свою тачку и проехал по ногам Мацзу. С раненой ногой Мацзу вернулся в зал для наставлений, взял топор и сказал:

— Пусть покажется тот, кто несколько мгновений назад ранил ногу старому монаху своей тачкой.

Тот час появился Иньфэн, подошел к Мацзу и вытянул шею. Тогда Мацзу отложил топор в сторону.

Комментарий из «Рассказов о знаменитых упасака»

Мацзу отложил топор в сторону, окончательно убедившись в спонтанности сознания ученика. Для ученика, везущего тачку, сидящий с вытянутыми ногами Мацзу не был неприкосновенным авторитетом (что весьма похвально, с позиций чань!). Но этот же ученик, спонтанно откликнувшись на зов Мацзу в зале для наставлений, был готов понести суровое наказание за то, что совершил.

Что это такое?

Преподобный Хуайжан услышал, что Наставник перебрался в провинцию Цзянси (это было еще до их очной встречи, которая описана выше), и спросил у своих учеников:

— А что, Мацзу Даои, поведал ли он монашеской общине о Дхарме?

— Да, он уже поведал нам о Дхарме, — ответили монахи.

— Я еще не встречал человека, который рассказал бы об этом как-то по-новому, — заметил Хуайжан. Подумав немного, он послал монаха к Мацзу с таким наставлением: «Когда Мацзу поднимется на помост для проповеди, ты лишь спроси: «Что это такое?» — а затем дождись, что он ответит, и возвращайся с этими словами ко мне».

Монах спросил у Мацзу все, как ему велено. Наставник сказал: «С того времени, как здесь тридцать лет назад учинили беспорядки варвары, в этих местах не бывает нехватки соли и перца».

Все это монах по возвращении передал Хуайжану, который остался удовлетворен ответом Мацзу.

Чаньский наставник Дэ Чэн, или Монах-Лодочник из Хуадин

Великий наставник Дэ Чэн, достигнув просветления, прибыл в Хуадин, что в округе Сю Чжоу. Обычно он плавал по озеру на небольшой лодке и проводил свои дни, принимая гостей из всех уголков страны. В то время, пока еще не распространилась слава о его учености, он обычно прозывался Монахом-Лодочником.

Однажды, пристав к берегу реки, он лениво сидел в своей лодке. Проходивший мимо чиновник спросил его: «Чем занимается Почтенный Господин?» В ответ Дэ Чэн поднял весло и спросил: «Вам это понятно?». «Нет, не понятно», — отвечал чиновник. Тогда наставник сказал: «Я греб и взбалтывал чистую воду, но золотую рыбку найдешь нечасто».

Весьма показателен эпизод, который привел к просветлению одного достаточно компетентного наставника чань по имени Цзя Шань. Эпизод этот, естественно, стал одним из распространенных гунаней.

Недовольный собственными успехами, наставник Цзя Шань распустил своих учеников и отправился напрямиком в Хуадин. Увидев его, Дэ Чэн спросил:

— Добродетельный! В каком храме ты остановился?

Цзя Шань ответил:

— То, что похоже на это, не останавливается, а то, что останавливается, на это не похоже.

Наставник Дэ Чэн спросил:

— Если нет никакого сходства, то каково это?

Цзя Шань ответил:

— Это — не те Дхармы, что перед глазами.

— Где ты все это выучил? — спросил Дэ Чэн.

— Там, куда нет доступа ни уху, ни глазу.

Тогда наставник Дэ Чэн похвалил его:

— Удачное высказывание — это столб, к которому осел может быть привязан в течение десяти тысяч эонов.

И спросил снова:

— Когда выпускается тысяча футов рыболовной лески, добыча прячется глубоко в пруду. А три дюйма за крючком ты мог бы обговорить?

Цзя Шань собрался ответить, но, когда он был готов уже открыть рот, наставник нанес ему удар веслом, столкнувший его в воду. Естественно, Цзя Шань тут же стал карабкаться обратно в лодку, и, когда он почти уже в нее забрался, наставник воскликнул снова:

— Говори же! Говори же!

Не успел Цзя Шань открыть рот, как Дэ Чэн снова ударил его. Вслед за чем Цзя Шань мгновенно обрел просветление и трижды кивнул (в знак благодарности).

Тогда наставник сказал:

— Ты можешь забавляться блестящей леской на конце удочки, но стоит тебе перестать волновать чистую воду, как смысл будет иным.

Цзя Шань спросил на всякий случай:

— Как вы мыслите себе выпускание лески и забрасывание крючка?

— Леска, свисающая в зеленую воду, позволяет всем идеям о существовании и несуществовании всплывать на поверхность, пока обе не успокоятся, — отвечал наставник.

— Ваши слова ведут по потемкам, хоть и обходятся без тропинок; кончик вашего языка говорит, хоть и безмолвен.

— Я выпускал свою леску повсюду в этой реке, но только сейчас я нашел золотую рыбку, — похвалил Дэ Чэн своего ученика.

Услышав эти слова, Цзя Шань прикрыл уши руками.

Наставник Дэ Чэн закивал:

— Именно так! Именно так!

Затем он дал Цзя Шаню следующее наставление: «В будущем в твоём убежище не должно быть никаких следов, а там, где нет следов, ты не должен укрываться. Я провел тридцать лет в монастыре наставника Юо Шаня и понял лишь одно это. Теперь и ты это знаешь. Отныне не оставайся в горах и деревнях, а ищи в глубине гор одного-двух человек с мотыгами на боку, чтобы продолжить передачу истины и не дать ей прерваться».

Цзя Шань простился с наставником, но, уходя, несколько раз обернулся назад, чтобы еще раз увидеть его. Наставник Дэ Чэн прокричал: «Почтенный!» И когда Цзя Шань снова обернулся, наставник поднял весло и крикнул: «Ты полагаешь, что у меня, кроме этого, есть что-то еще?» Затем он перевернул лодку и скрылся под водой.

Чаньский наставник Чжу Ди из Цзин Хуа

Однажды в храм Чжу Ди пришла монахиня по имени Ши Чжи с корзиной на голове и посохом в руке. Она трижды обошла вокруг наставника и

трижды произнесла: «Если вы сможете что-нибудь сказать, я опущу корзину». Так как наставник не смог ничего ответить, монахиня собралась уходить. Тогда наставник сказал ей: «Уже поздно: почему бы вам не остаться до утра?» Монахиня сказала снова: «Если вы сможете что-нибудь сказать, то я останусь». Поскольку наставник так ничего толкового и не придумал, монахиня ушла.

Оставшись один, наставник вздохнул и сказал себе: «Хоть я и мужчина, мне не достает мужественности. Лучше уж мне оставить этот храм и отправиться куда-нибудь в поисках действительно просветленных наставников».

И в ту ночь божество горы, возле которой располагался храм, сказало ему: «Ты не должен покидать это место: сюда уже идет настоящий бодхисаттва во плоти и крови».

И потому, когда Тянь Лун прибыл в храм, наставник встретил его с большим почтением. В качестве наставления Тянь Лун поднял вверх указательный палец, и наставник мгновенно пробудился. С тех пор, когда ученики приходили к нему за руководством, наставник только поднимал вверх палец и не давал иных наставлений.

Однако нашелся мальчик, который, побывав до того у наставника, в ответ на вопросы людей стал тоже поднимать вверх палец. Кто-то рассказал об этом наставнику, сделав вывод: «Ваш мальчик тоже понимает Дхарму Будды, поскольку в ответ на вопросы пришедших он тоже, как и вы, поднимает вверх палец».

Однажды, спрятав в своем длинном рукаве (острый) нож, наставник спросил мальчика: «Я слышал, что ты понимаешь Дхарму Будды, так ли это?» Наглый подросток не смутился: «Да, господин». Тогда наставник спросил: «Что же такое Будда?»

Мальчик поднял вверх палец, который наставник тут же отсек спрятанным ножом. Когда юноша закричал от боли и кинулся прочь, наставник окликнул его, и тот — все-таки почтение в нем к наставнику было велико — обернулся. Чжу Ди снова спросил его: «Так что такое Будда?»

Мальчик автоматически поднял руку, но не увидел пальца на обычном месте; тут-то на него и снизошло великое просветление.

Когда наставник был уже близок к смерти, он как-то сказал собранию:

— Чанем пальца Тянь Луна я пользовался всю свою жизнь.

Наставница Мо Шань

Чаньский наставник Хуань Чи был учеником Линь-цзи (основатель секты Линь-цзи, одного из направлений чань), но не осознал истину, несмотря на то что провел несколько лет в монастыре своего наставника. А потому в один прекрасный день он покинул Линь-цзи и отправился на поиски нового наставника. (В буддийских монастырях подобная стратегия смены учителей считается вполне нормальным явлением.) Однажды он забрел в женский монастырь на горе Мо Шань, и маленькая монашенка доложила о его прибытии чаньской бхикшунни Мо Шань, которая, первым делом, послала к нему прислужницу с таким вопросом: «Почтенный наставник, явились ли вы сюда из любопытства или ради изучения Дхармы Будды?» Хуань Чи ответил, что он учится. Тогда Мо Шань предупредила: «Если вы пришли ради Дхармы Будды, то здесь существуют те же правила относительно битья в барабан и занятия почетного места». (То есть ему надлежит вести себя как обыкновенному послушнику.)

Вслед за чем она взшла на свое место, но Хуань Чи только поклонился, не встав на колени. Мо Шань спросила его:

— Какое место Почтенный Бхикшу сегодня покинул?

Хуань Чи ответил:

— Я покинул въездные ворота на дорогу.

Наставница спросила:

— Почему же вы не охватили их?

(Вопрос Мо Шань означал: если вы так продвинулись на пути, что можете обойтись без преклонения колен, то вы должны были воспринять свою Дхармакайю, которая проникает всюду и охватывает также и въездные ворота на дорогу, ибо она не подвластна появлению и исчезновению и не покидает одно место, чтобы оказаться в другом.)

Хуань Чи не смог ничего ответить; он встал на колени и спросил:

— Что такое Мо Шань?

Настоятельница ответила:

— Макушка головы не различима.

(Вопрос «Что же такое Мо Шань?» можно буквально перевести: «Каково состояние просветленного сознания в монастыре Мо Шань?») Ответ монахини касался свечения макушки Будды, которое было невидимо для его учеников, пока они не прозрели.)

— Кто же хозяин горы Мо Шань? — спросил гость. Хозяйка ответила:

— Он — и не мужчина, и не женщина.

Мо Шань закричал:

— Почему же он не превращается?!

Хуань Чи в ответ спросила:

— Он — не призрак и не дух, во что он должен превратиться?

(Ответ Мо Шань о хозяине, то есть о ней самой (хозяин — и не мужчина, и не женщина), означал, что пол не имеет никакого значения для просветления, и Дхармакайя не имеет ни мужских, ни женских признаков. В целом женщины имели намного больше трудностей на пути, чем мужчины, и Хуань Чи, который, похоже, смотрел на нее свысока в силу этого, спросил ее, почему она не превратится в мужчину, если она достигла просветления. Его вопрос показывает, что он все еще пребывал в заблуждении.)

На последний вопрос ответить он не мог, а потому признал авторитет настоятельницы. Мо Шань стал садовничать в монастыре, где провел три года; в это время он получил полное просветление.

Позднее, когда Хуань Чи входил в зал Чань, чтобы наставлять своих собственных учеников, он обычно говорил им: «Когда я был у своего отца, Линь-цзи, я получил пол-половника, и когда я был

у своей матери, Мо Шань, я получил еще пол-половника, то есть мне достался полный половник, что позволило мне утолять свой голод по сей день». Таким образом, хотя Хуань Чи и считается учеником Линь-цзи, он является также преемником Дхармы Мо Шань.

Чаньский наставник Хуэй-цзан из Шигуна

Прежде Хуэй-цзан был профессиональным охотником и, рассказывают, не выносил даже вида буддистских монахов. Однажды, охотясь на оленей, он вышел к храму, в котором в ту пору пребывал Ма-цзу. Когда последний, стоя у дверей, поприветствовал охотника, тот спросил Ма-цзу: «Вы не видели здесь оленей?» В свою очередь, Ма-цзу спросил: «Кто ты?» Будущий наставник ответил:

– Я – охотник.

– Ты умеешь стрелять? – спросил Ма-цзу.

– Умею.

Тогда учитель спросил:

– Сколько же оленей ты можешь подстрелить одной стрелой?

Охотник пожал плечами:

– Одной стрелой я могу подстрелить только одно животное.

Ма-цзу усмехнулся:

– Тогда ты не знаешь, как нужно стрелять.

– А почтенный господин знает, как лучше стрелять?

– Да, знаю.

– Сколько животных можете вы подстрелить одной стрелой?

Ма-цзу ответил:

– Всего одной стрелой я могу подстрелить целое стадо.

Тогда охотник призадумался:

– Но они же, олени – живые существа. Зачем вам стрелять целое стадо?

Ма-цзу тут же спросил:

– Если ты это понимаешь, так почему не застрелишь себя самого?

Будущий наставник снова задумался:

– Если вам нужно, чтобы я себя застрелил, то я действительно не знаю, как это сделать.

Ма-цзу улыбнулся:

– Целый эон пороков (клевш) этого человека, вызванных неведением, теперь рассеивается.

Вслед за чем охотник выбросил свой лук и стрелы и, последовав за Ма-цзу, стал монахом.

Однажды, когда Хуэй-цзан трудился на кухне, Ма-цзу спросил его:

— Что ты делаешь?

— Я стерегу быка, — отвечал бывший охотник.

— А как же ты его стережешь?

— Как только он возвращается на траву, я тащу его обратно, хватая за ноздри.

— Ты действительно стережешь быка, — подтвердил Ма-цзу, после чего прекратил разговор и удалился.

Уже позже, будучи настоятелем, Хуэй-цзан, принимая учеников с различными способностями, обычно держал в руках лук и стрелы.

Однажды он спросил посетившего его монаха:

— Ты знаешь, как схватить пустоту?

Самоуверенный монах ответил: «Знаю». Наставник спросил: «Как же ты ее схватишь?»

Тогда монах попытался ухватить рукой воздух.

Наставник взревел:

— Ты все-таки не знаешь, как схватить пустоту!

Монах спросил наставника:

— Как же почтенный брат по Дхарме схватит ее?

Вслед за чем наставник ухватил монаха за нос и сильно потянул за него. Гость закричал от боли:

— Вы тяните за мой нос так, будто собираетесь его оторвать!

— Чтобы что-то понять, пустоту следует хватать именно таким образом, — пояснил наставник.

Из бесед наставника Линь-цзи (ум. в 866 г.) из области Чжэнь

1

Управитель округа Ван чанши и другие должностные лица пригласили наставника произнести проповедь. Наставник поднялся в Зал Дхармы и произнес:

— Сегодня мне, одинокому монаху, ничего не остается, кроме как последовать принятому этикету, — поэтому-то я и пришел сюда. Если же следовать традиции патриархов нашей школы, строго придерживающейся принципа передачи великой Дхармы, то я не должен был раскрывать рта, а вы не должны были и шага сделать. Но я, одинокий монах, уступил настоятельным просьбам чанши. К чему мне скрывать сущность нашей школы?

А найдется ли здесь искусный военачальник, который прямо на поле боя расставит свои войска и развернет знамена? Пусть приведет свои доводы при всех — посмотрим!

Какой-то монах спросил:

— В чем состоит основной смысл Дхармы Будды?

Наставник произнес «кхэ».

Монах низко поклонился. Наставник заметил:

— Этот почтенный монах очень хорош как собеседник.

Кто-то спросил наставника Линь-цзи:

— Чью мелодию вы поете? Последователем какой школы чань вы являетесь?

Наставник отвечал:

— Когда я был у Хуан-бо (известный чаньский наставник (ум. ок. 850), непосредственный учитель Линь-цзи), я трижды обращался к нему с вопросами и трижды бывал бит.

Монах колебался. Тогда наставник произнес свое «кхэ», ударил вопрошавшего и сказал:

— В пустоту не вобьешь гвоздя.

Некий проповедник, принадлежащий к другой школе буддизма, спросил:

— Разве не проясняют природу Будды Три Колесницы и двенадцать разделов Учения?

Наставник ответил:

— Сорняки еще никогда не выкорчевывались.

Проповедник настаивал:

— Уж Будда-то не мог обманывать людей!

— А где, собственно, Будда? — спросил Наставник.

Проповедник промолчал. Наставник продолжил:

— Ты хотел меня, старого монаха, изобразить дураком в глазах чанши! Быстрее уходи! Немедленно убирайся! Не мешай тем, другим, задавать вопросы!

Далее наставник сказал:

— Сегодняшнее собрание посвящено великому делу. Есть ли еще желающие задать вопрос? Поскорее выходите и спрашивайте. Но еще прежде, чем вы открываете рот, вы уже вне общения. Почему это так? Не известно ли вам, что говорил почтенный Шакья: «Дхарма отделена от письменных знаков, ее не касаются причины, она вне следствий». Из-за того, что у вас недостаточно веры, мы сегодня путаемся в ползучих лианах слов. Боюсь, что этим я ввожу в заблуждение чанши и других дол-

жностных лиц, затемняя их природу Будды. Лучше, пожалуй, удалиться.

Он воскликнул свое «кхэ» и сказал:

— Для мало верящих в себя людей никогда не наступит последний день. Вы остаетесь здесь надолго. Берегите себя (обычная формула прощания наставника с аудиторией)!

2

Однажды Линь-цзи сказал во время наставлений:

— Среди вас здесь есть, конечно, такие, которые во имя закона не откажутся пожертвовать собой и лишиться жизни. Когда мне было двадцать, я трижды спрашивал у моего первого учителя Хуан-бо, каков точно великий смысл Дхармы Будды, и трижды удостаивался того, что он угощал меня своим по-сохом. Но это было похоже на то, как если б меня погладили мухогонкой из веток полыни. Вот и сейчас я хотел бы снова удостоиться, чтобы меня угостили порцией палки. Кто бы мог сделать это для меня?

Тут из числа собравшихся вышел какой-то монах и сказал:

— Я могу сделать это.

Наставник протянул ему свою палку. Но монах этот заколебался. А наставник крепко ударил его самого.

3

Однажды наставник сказал во время проповеди:

— Кто бы ко мне ни пришел, я не пренебрегаю им и всегда знаю, откуда он пришел. Если он пришел таким-то образом, похоже, что он потерял самого себя. Если он пришел иным образом, он как бы без веревки связал себя. И в том и в другом случае не надо суетиться, размышляя и взвешивая. И понимающие, и не понимающие — все ошибаются.

Вот так прямо я об этом и говорю. И пусть порицает меня любой человек в Поднебесной.

Вы уже долго находитесь здесь, монахи. Берегите себя!

Песнь просветления чаньского наставника Юн-цзя

Добирайтесь до корня. Не беспокойтесь о ветках.

Будьте, как чистый хрусталь вокруг драгоценной луны.

Увы! В это время упадка и в этом мире зла

Живые существа с несчастной судьбой обучить очень трудно.

Священный период — далеко позади, а извращенные взгляды проникли глубоко.

Когда Демон силен, а Дхарма слаба, царят ненависть и беда.

Услышав все о мгновенном вхождении в дверь Дхармы,

Человек сожалеет, что еще не сокрушил это зло.

В то время как сознание действует, тело все еще молчит.

Никогда не упрекайте и никогда не обвиняйте своих ближних.

Если вы хотите избежать непрерывающейся кармы,

Не поносите колесо Закона Будды (дхарма-чакра, санскр.)

В молодости я старался накопить как можно больше знаний,

Обращался к сутрам, шастрам и комментариям к ним,

Бесконечно разграничивая наименование и форму,

Как тот, кто понапрасну пересчитывает песчинки в океане.

Я получил суровый выговор от Будды,

Который спросил, какой толк в подсчете чужих драгоценностей.

Комментарий наставника Сюй-юня: Просветление — это корень, а все остальное (в том числе паранормальные способности и чудотворство) — это ветки. Вот почему просветленные наставники никогда не говорили о чудесах. Все это подобно хрусталу, который, если за него цепляться, помещает достижению просветления, символизируемого луной.

Юн-цзя пришел к шестому патриарху за наставлением и полностью просветлел. Патриарх назвал его «Просветленным за Одну Ночь». Поэтому-то древние и говорили: «Искать истину в сутрах и шастрах — все равно, что выйти в море, чтобы сосчитать, сколько в нем песчинок».

Просветление от звука кипящего масла

В стародавние времена у чаньского наставника Хуэй Цзюэ с горы Лан Юэ была одна ученица из мирян, которая явилась к нему за наставлением. Учитель же велел ей всесторонне исследовать и

целиком претворить в жизнь фразу: «Не обращайтесь внимания» (букв. «пусть все идет своим чередом»).

Женщина строго следовала его наставлению, не допуская никаких отступлений ни в чем. Однажды в ее доме начался пожар, но она лишь сказала: «Не обращайтесь внимания».

В другой раз ее единственный сын упал в воду, и, когда очевидец происшествия позвал ее, она снова отмахнулась: «Не обращайтесь внимания».

В общем, она в точности выполняла наставление учителя, отбросив все причинные мысли (мысли, порождающие причины, которые, согласно закону кармы, в свою очередь, ведут к следствиям).

Однажды, когда ее муж развел огонь, чтобы приготовить пончики из скрученного теста, а женщина бросила на полную кипящего масла сковородку кусок теста, раздался резкий шипящий звук. Едва услышав его, женщина мгновенно обрела просветление. После этого она бросила сковороду с маслом на пол, захлопала в ладоши, стала прыгать и смеяться. Решив, что она обезумела, ее муж принялся ее бранить: «Что ты делаешь? Перестань немедленно! Ты сошла с ума?» Но и тогда она ответила: «Не обращай внимания».

Затем она отправилась к наставнику Хуэй Цзюэ и попросила его удостоверить ее в ее успехе. Наставник подтвердил, что она обрела «священный плод».

Комментарий наставника Сюй-юня: «Ее постоянная практика уже принесла успех в том, что она отстранила свое сознание от органов чувств, чувственных данных и способностей восприятия. Таким образом, ее сознание в нужный момент находилось в покое, и звук шипящего масла подействовал на нее сильнее всего. Она услышала его не с помощью слуха, который был отключен, а через ту самую функцию сущностной природы, которая и выявила ее истинное «лицо»; отсюда и ее просветление.»

Обычно после пробуждения, или сатори, как говорят японцы, человека охватывает желание кричать, прыгать, танцевать или делать что-то такое, что отклоняется от нормы — вроде той самой сковороды с маслом, которую женщина швырнула на пол. Если человек не сумеет подавить эти эмоции, то он вполне может подхватить «чаньскую» болезнь, описанную в автобиографии Ханьшаня.

«Помощь ученика»

Как известно, чаньский наставник Шэнь Цзянь много путешествовал пешком (по монастырям), пока был молод, а просветление свое обрел у «предка» Бай-чжана. После этого счастливого события он вернулся к своему прежнему наставнику, и тот его спросил: «После того как ты меня покинул, что нового ты приобрел в других местах?»

Шэнь Цзянь отвечал: «Я не приобрел ничего».

Тогда прежний наставник велел ему продолжить послушание у него.

Однажды, когда этот наставник мылся в бане, а его ученик тер ему спину, Шэнь Цзянь вдруг хлопал по этой спине со словами: «Хорош зал Будды, но Будда — не святой».

Не поняв, что он имеет в виду, старый наставник обернулся и посмотрел на ученика, который продолжил: «Хотя Будда и не святой, он испускает озаряющие лучи».

В другой раз, когда старый наставник читал у окна сутру, об оконную бумагу (такая тонкая бумага использовалась в Поднебесной вместо стекла) ударила пчела, пытавшаяся выбраться из комнаты. Увидев, как она бьется, Шэнь Цзянь сказал: «Вселенная — такая огромная, а ты не хочешь

выбраться. Если ты собираешься пробиться сквозь старую бумагу, то выберешься в несуществующий год осла!» Сказав это, он пропел следующий стих:

*Она не желает выбраться через открытую дверь
И бестолково бьется об окно.
Чтобы пробить старую бумагу, потребуется сто лет,
О, когда же ей удастся выбраться?!*

Решив, что Шэнь Цзянь насмехается над ним, старый наставник отложил в сторону свою сутру и спросил его: «Ты отсутствовал так долго: кого ты встречал, что ты узнал и отчего ты стал таким разговорчивым?»

Шэнь Цзянь ответил: «После того как я покинул вас, я присоединился к общине Бай-чжана, где получил от наставника Бай-чжана указание, как останавливать мышление и разграничение сознания. Так как вы сейчас уже стары, то я вернулся, чтобы отдать вам долг благодарности». Вслед за этим наставник поведал собранию монахов (о случившемся), велел накрыть стол в честь Шэнь Цзяня и попросил его изложить Дхарму. Последний занял почетное место и изложил учение Бай-чжана, сказав:

*Духовный свет сияет одиноко,
Освобождая органы чувств от чувственных данных.
Переживание на опыте истинной вечности
Зависит не от одних книг.*

*Природа сознания, будучи безупречной,
В основе своей – совершенна.*

*Избавление от порождающих ложь причин –
То же самое, что и абсолютное состояние Будды.*

Услышав это, старый наставник пробудился к истине и сказал: «Я и подумать не мог, что в свои старые годы я услышу о высочайшем образце». Затем он передал Шэнь Цзаню управление монастырем и почтительно попросил последнего стать его собственным наставником.

Комментарий Сюй-юня: «Старая бумага – это старые сутры. Фраза Бай-чжана означает: «Если вы хотите отыскать истину в старых сутрах, то никогда ее не осознаете, ибо ее можно ощутить только на практике».

Гун-ани и притчи о людских пороках и слабостях

Чего мы знаем, но не делаем

Однажды знаменитый китайский поэт Бо Цзюи пришел к знаменитому чаньскому учителю Няого и спросил у него:

– Скажите, что необходимо делать в течение дня, как себя держать, чтобы можно было считать, что все совершено сполна?

– Не следует совершать дурных поступков и необходимо следовать добрым делам, никогда от них не отворачиваясь.

— Но это знает и трехлетний ребенок, — воскликнул поэт!

— Конечно, и трехлетний ребенок знает это, но чаще всего даже столетний старец не способен этому следовать!

Опасное место (иная интерпретация той же истории)

Однажды правитель области посетил одного дзэнского учителя, прозванного в народе Птичье Гнездо за то, что он обычно медитировал, сидя на высоком дереве среди густой листвы. Правитель осмотрел место медитации мудреца и сказал:

— Какое же у тебя опасное место — там, наверху дерева!

— Твое намного опаснее, чем мое, — возразил учитель.

— Я — правитель этой области; я не вижу, какая опасность может мне угрожать.

— Значит, ты не знаешь себя. Когда ты изживешь свои страсти, и твое сознание лишится устойчивости, — что может быть опаснее, чем это?

— В чем заключается учение буддизма? — спросил правитель.

В ответ учитель произнес следующую известную формулу:

— Не делать зла, а использовать добро. И сохранять сердце чистым — вот в чем учение Будды.

— Да, это знает и трехлетний ребенок! — воскликнул правитель.

— Может быть, любой трехлетний ребенок и знает это, но даже восьмидесятилетнему старцу трудно осуществить это на практике, — подвел итог беседы дзэнский учитель и полез на свое дерево.

Байчжан и старик-лиса

Как-то на проповедях Байчжана стал появляться странный старик. Однажды, когда наставник уже закончил работу с учениками, старик не ушел из зала вместе с остальными. Байчжан спросил его, что он за человек.

— Ныне я не принадлежу уже к человеческому роду, — ответил старик. — Но когда-то, во времена будды Кашьяпы, я жил на этой горе и наставлял истине. Однажды меня спросили: «Подвластен ли прозревший истину человек закону причинности существования?» Я ответил: «Не подвластен», и, вот, за это был превращен в лису на целых пятьсот перерождений. Прошу вас, о наставник, своим

мудрым словом помочь мне избавиться от лисьего облика. Осмелюсь спросить вас: «Подвластен ли прозревший истину человек закону причинности существования?»

— Прозревший истину человек не отличает себя от причинности существования, — ответил Байчжан.

Услышав эти слова, старик тут же достиг просветления. Он отвесил поклон и сказал: — Теперь я освободился от лисьего облика и должен покинуть свое тело, которое находится на горе. Прошу вас похоронить меня по монашескому чину. — С этими словами он исчез.

На следующий день Байчжан велел приготовить к похоронам. «Вокруг все спокойно, и в монастыре нет больных. Что бы это значило?» — недоумевали монахи. После трапезы Байчжан повел монахов на гору. В пещере на склоне горы он нашел лисий труп и распорядился предать его огню.

А вечером он рассказал монахам о старике, превращенном в лису. Хуанпо спросил: — Вот ведь давным-давно некий человек был превращен в лису на пятьсот перерождений за то, что дал неправильный ответ. Ну, а если ответы наставника будут правильными, что тогда?

— Подойди поближе, и я поведаю тебе истину» — сказал Байчжан.

Хуанпо подошел к учителю и ударил его по лицу. Байчжан захолопал в ладоши и произнес со смехом:

— Я думал, что ты — рыжая борода варвара, а теперь вижу, что ты — рыжебородый варвар!

Можно лишь добавить, что Хуанпо поступил, быть может, и без должного уважения к учителю, зато в полном соответствии, как того требует чань, со своей природой, которая, конечно, не желает получать зуботычины. А это бы непременно произошло, не выдай он Байджану полновесную оплеуху, чем, кстати, немало его повеселил.

Обращенный

Рёнан посвятил свою жизнь изучению дзэн, а управление всем семейным имуществом передал своему племяннику. Однажды родственники сообщили ему, что его племянник, несмотря на всех из увещевания, ведет крайне беспутную жизнь и много денег тратит на куртизанок, кутежи, игры. Поскольку племянник занял место Рёнана в управлении семейным имуществом и благосостояние се-

мьи оказалось в опасности, родственники обратились к Рёнану с просьбой что-то предпринять.

И мастер дзэн отправился в долгий путь, чтобы навестить племянника, которого он не видел много лет. Племянник рад был снова увидеть дядю и, естественно, пригласил его остаться переночевать.

Всю ночь Рёнан провел в медитации. Когда утром он собрался уезжать, то попросил молодого человека:

— Я уже стар, руки мои дрожат. Не сможешь ли ты завязать мне шнурки на сандалиях?

Племянник охотно помог дяде.

— Спасибо, — сказал Рёнан. — Ты видишь, человек стареет и слабеет день ото дня. Береги себя.

И Рёнан уехал, ни словом не упомянув о кутежах, куртизанках и жалобах родственников.

Но с этого дня племянник прекратил беспутную и расточительную жизнь.

Пот Гадзана

Однажды Гадзана попросили провести богослужение на похоронах провинциального помещика. До тех пор он никогда не видел высокородных и знатных господ и потому очень нервничал.

Когда церемония началась, Гадзан весь взмок от волнения.

Вернувшись с церемонии, он собрал своих учеников и признался им, что не достоин быть их учителем. Ему не хватает равного отношения к славе и безвестности, которым он обладал некогда в уединенном храме. Затем Гадзан сложил с себя полномочия и сделался учеником другого мастера дзэн.

Через восемь лет он вернулся к своим бывшим ученикам просветленным.

Скупой художник

Гессен был монахом-художником. Перед тем как начать рисовать, он всегда настаивал на том, чтобы ему заплатили вперед, и запрашивал очень высокую цену. Его часто называли «скупой художник».

Однажды богатая гейша заказала ему картину.

— Сколько вы сможете заплатить? — спросил Гессен.

— Сколько ты запросишь, — отвечала девушка, — но я хочу, чтобы ты работал передо мною.

Итак, в определенный день Гессена позвали к гейше. Она устраивала праздник для своего покровителя.

вителя. Гессен усердно трудился над картиной. Когда же эта картина была закончена, то он запросил самую высокую цену, о какой только слышали в его время.

И тут же получил запрошенную сумму, а гейша, повернувшись к своему покровителю, сказала:

— Этот художник хочет только денег. Его картины прекрасны, а ум низок. Деньги развратили его. Невозможно показывать картину, нарисованную таким отвратительным человеком. Она годится лишь для одной из моих нижних юбок.

Приподняв юбку, она попросила Гессена сделать другой рисунок на изнанке юбки.

— Сколько вы сможете заплатить? — спросил Гессен.

— Да сколько хотите! — ответила девушка.

Гессен назвал фантастическую цену, нарисовал картину требуемым образом и ушел. Молва об этом случае преследовала его всю жизнь.

Однако у Гессена были причины копить деньги. Во-первых, на его провинцию часто обрушивался голод. Богачи не помогали беднякам, а потому у Гессена был тайный склад продовольствия, не известный никому, который он наполнял зерном на случай бедствия. Во-вторых, дорога от его деревни

до национальной святыни была очень запущена, и паломники весьма от этого страдали. Художник намеревался построить новую дорогу.

В-третьих, учитель Гессена умер, так и не осуществив своего желания построить храм, и его ученик мечтал построить этот храм в честь учителя.

После того как Гессен выполнил эти три своих желания, он забросил кисти и художественные принадлежности, удалился в горы и никогда больше не рисовал.

Будь живым!

Как-то утром Лин-чи пребывал в храме. Туда пришел молодой человек и уселся неподалеку в позе для медитации с закрытыми глазами. Было очевидно, что этот юноша жаждет стать учеником Лин-чи и таким образом пытается произвести впечатление на Мастера.

Наставник подошел и, стукнув его костяшками пальцев по голове, произнес:

— Вставай и уходи! В нашем храме достаточно статуй.

Огорченный молодой человек обернулся на пороге, и Лин-чи добавил:

— Будь живым! Не претендуй не на что и чересчур не усердствуй!

Чашка чая

Нан-ин, японский учитель дзэн, живший в эпоху Мейдзи (1868–1912), как-то принимал у себя университетского профессора, пришедшего узнать у наставника, что же такое дзэн. Нан-ин пригласил его к чаю. Он налил гостю чашку до самого верху и продолжал наливать дальше.

Профессор следил за тем, как переполнялась чашка, и, наконец, не выдержал: «Она же переполнена. Больше уже не войдет!»

«Так же, как эта чашка, — отвечал Нан-ин, — вы полны собственных мнений и мыслей. Как же я смогу показать вам дзэн, если вы прежде не опустошили свою чашку?»

Молчаливая медитация

Четверо учеников дзэн, близких друзей, обещали друг другу хранить молчание, чтобы максимально углубить свою медитацию.

Молчали целый день. Вроде бы их медитация шла благоприятно. Но когда настала ночь и свет керосиновых ламп совсем потускнел, один из приятелей не сдержался и крикнул слуге:

— Эй, поправь эти лампы!

Второй ученик, естественно, возмутился, когда первый заговорил.

— Мы договорились не говорить ни слова, — упрекнул он приятеля.

— Ну, вы, болваны, чего вы разговариваете?! — закричал третий.

— Один я молчу, — самодовольно заметил четвертый.

Ничто не существует

Будучи еще молодым учеником дзэн, Ямаока Тесю посещал одного учителя за другим. Однажды он пришел к Докуону и, желая показать свои глубокие познания Дхармы, сказал:

— Разум, Будда, чувственное бытие — все они на самом деле не существуют. Истинная природа явлений — пустота. Не существует ни воплощения, ни заблуждений, ни мудрости, ни посредственности. Ничто нельзя дать, ничего нельзя взять.

Докуон продолжал спокойно курить и ничего не ответил.

Внезапно он сильно ударил Ямаоку по голове. Юноша сильно разозлился.

— Если ничего не существует, — спросил Докуон, — откуда же эта злость?

Сострадание Бокудзю

Бокудзю шел со своим учеником в храм после утренней прогулки. Сзади к нему подошел какой-то человек, сильно ударил его палкой по спине и убежал. Бокудзю даже не обернулся, но продолжал свою прогулку. Ученик был потрясен. Он спросил:

— Почему вы не реагируете? Что с вами? Этот человек ударил вас достаточно сильно, а вы даже не оглянулись!

Бокудзю ответил:

— Это его проблема. Он, должно быть, сумасшедший, бедняга. Я очень ему сочувствую. Я не могу посмотреть назад, потому что он уже сумасшедший, а мой взгляд сделает его еще более сумасшедшим. Вернувшись домой, он может почувствовать вину, подумать, что я осуждаю его. Нет, это негуманно. Он и так в беде. Нет необходимости создавать ему новые проблемы.

Притчи про обращение к учению

Игрок и пьяница

Некогда Гуду был наставником самого японского императора. Несмотря на высокое положение, он имел обыкновение путешествовать в одиночку, как простой бродячий монах. Направляясь однажды в Эдо, политический и культурный центр сёгуната, он пришел в небольшое селение, называвшееся Такэнака. Был вечер, лил сильный дождь, Гуду насквозь промок. Его соломенные сандалии развалились. В окне дома, стоявшего на краю селения, он заметил висевшие несколько пар сандалий и решил купить себе сухие.

Сандалии продала ему вежливая женщина, которая, увидев, как он вымок, пригласила его переночевать. Гуду с благодарностью принял приглашение. Войдя в дом, он прежде всего прочитал перед домашним алтарем сутру. Его познакомили с матерью и детьми хозяйки. Заметив, что вся семья чем-то расстроена, Гуду спросил, что у них в доме за горе.

— Мой муж игрок и пьяница, — сказала женщина. — Когда он выигрывает, то напивается и становится невыносимым. А когда проигрывает, то занимается повсюду деньги. А когда же иной раз упьется совсем, то и вовсе домой не приходит. Что мне делать?

— Я помогу ему, — сказал Гуду. — Вот деньги. Купите мне галлон хорошего вина и чего-нибудь вкусного из еды. И можете ложиться спать. Я буду медитировать перед алтарем.

В полночь домой вернулся хозяин, сильно пьяный, он закричал:

— Эй, жена! Я уже пришел домой. Ты дашь мне поесть?

— Возьми у меня, — сказал Гуду. — Меня застиг дождь, и твоя жена великодушно приютила меня. За это я купил вина и рыбы, так что бери, не стесняйся.

Хозяин пришел в восторг. Он моментально выхлебал все вино и уснул прямо на полу. Гуду сел рядом медитировать.

Проснувшись утром, глава семьи ничего не помнил.

— Ты кто такой? Откуда? — спросил он у Гуду, который все еще сидел в медитации.

— Я Гуду из Киото и направляюсь в Эдо, — отвечал мастер дзэн.

Глубоко устыдившись, хозяин стал суетливо просить прощения у наставника самого императора. Гуду улыбнулся.

— Все непостоянно в этой жизни, — сказал он. — Жизнь очень коротка. Если ты будешь продолжать пить и играть, то у тебя не останется времени исполнить что-либо иное, да и своей семье ты лишь принесешь новые страдания.

У хозяина вдруг пробудилось понимание — он словно избавился от наваждения.

— Ты прав, — воскликнул он. — Как мне отблагодарить тебя за чудесный урок? Позволь немного проводить тебя и помочь нести твои вещи.

— Ладно, если хочешь, — помедлив, согласился Гуду, и они отправились в путь.

Через три мили Гуду предложил ему вернуться домой.

— Можно, я пройду с вами еще миль пять? — попросил у Гуду спутник.

Они двинулись дальше.

— Ну, теперь можешь возвращаться, — предложил Гуду через час.

— Пройдем еще десять миль, — решил хозяин.

— Теперь возвращайся, — сказал Гуду, когда еще десять миль были пройдены.

— Я намерен теперь идти за тобой всю остальную жизнь, — решил его спутник.

Большинство современных учителей дзэн в Японии ведут начало своей линии от некоего знаменитого мастера, преемника Гуду. Его звали Му-Нан — «Тот, Кто Не Возвращается Никогда».

Повар

Один знаменитый японский мастер дзэн решил послать кого-то из своих учеников основать новый монастырь и объявил, что выбран будет тот, кто лучше всех ответит на его вопрос. Затем он поставил на землю наполненную водой чашу и спросил:

— Кто из вас сможет мне сказать, что это, не называя этого?

Старший из учеников ответил первым:

— Никто не может сказать, что это — деревянный башмак.

Но тут к чаше подошел повар, ногой опрокинул ее и молча вышел из зала. Он и стал настоятелем нового монастыря.

История корейского мастера чань Сосана

Речь идет именно о корейском мастере дзэн (сон или сэн, *кор.*), которого некоторые не очень компетентные авторы благодаря созвучию имен умудряются путать с третьим патриархом, несмотря даже на то, что между этими людьми — целое тысячелетие.

Итак, Сосан Де Са был родом из Северной Кореи. Еще ребенком Сосан проявил высокий интеллект, а потому его отчим в раннем возрасте отвез его в Сеул, где мальчик мог учить конфуцианские тексты. После нескольких лет учения Сосан отправился сдавать экзамены для гражданской службы. При этом он помог их сдать всем своим друзьям, но провалился сам. Неудачными оказались и две последующие попытки. Что бы это значило? В конце

концов понял: это — из-за его рождения. Он один из всех учеников был родом из Северной Кореи.

Отчим, весьма состоятельный человек, предложил юноше отправиться куда-нибудь еще, где можно немного отдохнуть и просто почитать книги. Юноша выбрал храм Хейн Са, в котором оказалось очень много книг.

Литература по буддизму показалась Сосану более интересной, нежели конфуцианские или даосские сочинения. Буддийские сутры толковали о том, как решить реальные человеческие проблемы. Внезапно он понял, как ему повезло, что он не получил места службы.

Однажды Сосан отправился в город, чтобы купить кисти и тушь. На обратном пути ему понадобилось справить нужду. Уборные в Корее строились очень высоко от земли. Сидя на корточках, — простите — он случайно глянул вниз и увидел там множество живых существ — черви, какие-то мыши и крысы, в общем, всякая нечисть. В этот момент юноша вдруг осознал, что люди на базаре ничем не отличаются от этой нечисти. Все время они что-то ищут, пытаются извлечь какую-то выгоду, копаясь в собственных нечистотах.

Ум Сосана открылся: «До сих пор я был таким же, как эти черви, ныряющие в свежее дерьмо.

Теперь для меня пришло время настоящей практики. Только читать сутры — этого недостаточно, это не поможет. Я должен начать серьезную практику. Что есть Я? Кто есть Я? Кем Я могу стать?»

Сосан побрил голову, надел серые одежды и отправился на гору в монастырь, в котором начал усердную практику.

Однажды утром Сосан проснулся очень рано, чтобы заняться медитацией. Услышав крик петуха, он вдруг постиг свое истинное Я. Сосан сказал: «Я закончил великую работу жизни и смерти! Все, кто еще не достиг просветления, попытайтесь завтра утром послушать, как кричит петух.. Услышав это, вы тоже завершите великую работу человека». Сосан стал очень знаменит в истории Кореи. В частности, именно он помог спасти страну от японского нашествия в 1592 году.

Усердие

В былые времена один бедный человек решил вступить на путь Дхармы. Несмотря на свое твердое стремление к самосовершенствованию, он не знал, с чего начать, и не имел в числе своих знакомых никого, кто бы мог ему об этом рассказать.

Тогда он решил ежедневно заниматься самой тяжелой работой в ближайшем монастыре.

Однажды в этот монастырь пришел бродячий монах и увидел человека, который трудился с небывалым усердием. Монах спросил его о практике, которую тот для себя избрал. Человек ответил: «Ежедневно я занимаюсь этой утомительной работой и не знаю, что мне делать еще. Прошу вас, укажите мне надежный метод самосовершенствования».

Монах ответил: «Ты должен просто вникать в то, кто это повторяет имя Будды?» (11). Получив наставления от монаха-гостя, трудолюбивый человек начал постоянно удерживать слово «кто» в своем сознании во время повседневной работы. Впоследствии он покинул монастырь и поселился в гроте на небольшом островке, чтобы продолжать практику, указанную ему монахом. Вместо одежды он использовал листья, питался дикими растениями.

Его мать и сестра в конце концов узнали о его затворничестве в гроте, и мать поручила сестре отнести ему сверток с одеждой и немного еды. Прибыв на место, та нашла его застывшим в медитации. Она окликнула брата, но тот не отозвался; она его коснулась, но он даже не шелохнулся. Такое равнодушие привело сестру в негодование. Она

положила на землю сверток с одеждой и пищу и вернулась домой.

Тринадцать лет спустя сестра снова навестила подвижника и увидела тот же самый сверток с одеждой, лежавший на прежнем месте.

Впоследствии один изголодавшийся беженец, проходивший мимо грота, увидел в нем монаха в истлевших лохмотьях; он вошел в грот и попросил чего-нибудь поесть. Монах поднял с земли несколько камешков и положил их в горшок. Поварив их в течение какого-то времени, он извлек их из воды и предложил гостю разделить с ним трапезу. Камешки были похожи на картофель, и когда гость утолил свой голод, монах сказал ему: «Прошу вас, никому не рассказывайте о нашей трапезе».

Впоследствии этот подвижник был известен в Поднебесной как великий святой чудотворец. Император даровал ему титул Штаны Дракона.

Подлинная осознанность

Однажды к старому очень мудрому учителю пришел принц и сказал:

— Меня к вам послал отец. Император уже стар и долго не проживет. А потому он направил меня

к вам со срочной просьбой — подготовить меня, пока он жив. Ему хотелось бы увидеть меня с вашей аттестацией. Я прекрасно владею многими боевыми искусствами, неплохо воевал, а к тому же закончил с отличием университет. Когда я пришел к отцу после всего этого и сказал, что я неплохо подготовлен, он ответил: «Нет, ты еще не готов на царство — тобою упущена главная вещь. Ты должен пойти к одному наставнику, чтобы научиться у него медитации. Это даст возможность собрать воедино всю твою предыдущую подготовку. Пока ты не преуспеешь в этом, я не могу доверить тебе государство». И он назвал ваше имя.

Помолчав некоторое время, принц добавил:

— Я готов выполнять любые ваши указания, но, прошу вас, поторопитесь!

Учитель ответил:

— Мое первое требование заключается в том, чтобы меня не связывали временем. Все зависит от вас самого. Я буду стараться как можно лучше, ведь у меня тоже осталось не так много времени. Я уже стар и вообще-то не собирался брать учеников, но вас послал император, мой старый друг, мы с ним учились медитации у одного мастера. Я не могу ему отказать. Ваше обучение начнется прямо сейчас.

Принц спросил:

— Что мне нужно делать?

Учитель сказал:

— Вы будете делать самые обычные вещи: убирать, готовить, носить воду, колоть дрова. Но помните — я могу в любой момент ударить вас сзади, так что постоянно оставайтесь бдительным.

Принц не ожидал такого поворота событий; он пожал плечами и сказал:

— Что же это за обучение?! Но раз отец послал меня к вам, значит, так и надо.

И его постоянно били. Старик был человеком опытным в этом деле. Он подходил совершенно незаметно — его шагов было не слышно. Неожиданно он выпрыгивал вроде бы из ниоткуда и наносил удар; принцу было больно. Через 15 дней все его тело саднило от побоев, тем не менее он был счастлив, потому что научился слышать неслышную поступь своего учителя. Его сознательность возросла. Он рубил дрова, но его ум оставался сконцентрирован на старике: «Откуда же он появится на сей раз и как себя защитить?»

Старик старался ударить своего ученика, а принц лишь перехватывал его бамбуковую палку. В таких

условиях его осознанность все время возрастала. Месяца через три старик уже за целый день не мог нанести ученику ни одного удара. Принц был горд. Он думал: «Настал великий день!» Он радовался и тому, как его тело окрепло под ударами. Теперь-то он понимал, что обрел новую силу, которой у него не было прежде никогда.

Иной раз, чувствуя, что старик подкрадывается, он кричал из своей комнаты: «И не пытайтесь. Я бдителен!» Но на этом воспитание осознанности не закончилось.

В один прекрасный день старик позвал принца к себе и сказал:

— Теперь начинается вторая ступень. До этого я бил тебя бамбуковой палкой. Начиная с завтрашнего дня, я буду бить тебя настоящим мечом!

Он вынул свой меч и показал его ученику:

— Вот этот самый меч, посмотри на него и зорко за ним следи! Теперь он будет следовать за тобой постоянно.

Это уже были не шутки, а вопрос жизни и смерти. Осознанность принца перед лицом настоящей опасности возросла многократно. Итак, теперь старик, как и раньше, постоянно пытался ударить его, но не смог этого сделать на протяжении трех меся-

цев. Иногда, сидя в медитации с закрытыми глазами, принц чувствовал, как учитель подходил сзади, чтобы нанести удар, и, когда тот замахивался, он отпрыгивал в сторону, спасая свою жизнь. Наконец, настал день, когда учитель снова позвал его и сказал:

— Я счастлив. Вторая часть обучения закончена.

Принц ответил:

— Я тоже счастлив и бесконечно вам благодарен. Я и не подозревал, что во мне есть такие способности. Даже малейший ветерок не может пронестись мимо меня, чтобы я не заметил его. Ни одна мысль не промелькнет в моем сознании бесконтрольно, и я счастлив, что еще есть чему учиться. Сначала я сомневался и пришел сюда лишь потому, что это-го хотел мой отец. Но теперь я сам хочу учиться и больше не думаю ни о своем отце, ни о царстве, ни о чем другом. Все мои помыслы сосредоточены на том, как подвести мое сознание к высочайшей вершине, и все это из-за той радости, которую я познал и о которой даже не подозревал и не мог мечтать. Так что давайте начнем третий этап.

Учитель сказал:

— Третий этап такой: я буду бить тебя настоящим мечом ночью, когда ты спишь.

Принц сказал:

— Хорошо.

Теперь учитель пытался ударить принца ночью, но в тот момент, когда он входил в его комнату, ученик просыпался. Он начал видеть себя спящим со стороны. Засыпая, он наблюдал за тем, как сон наваливается на него и овладевает телом. Поворачиваясь во сне, он видел со стороны, как его тело поворачивается с одного бока на другой. Три месяца учитель пытался нанести удар ученику, но ни разу не смог этого сделать. Осознанность ученика стала абсолютной.

Однажды учитель позвал принца, обнял его и передал ему свой меч со словами:

— Вот тебе моя аттестация. Твой отец поймет, потому что он знает, что это меч нашего учителя. Теперь ты можешь владеть им, потому что ты достиг высшего состояния осознанности; потребность в мече осталась далеко позади.

Житейские притчи и предания о мирянах и монахах

Арест изваяния Будды

Один купец переносил 50 свертков хлопка и остановился передохнуть от жары в убежище, возле которого стояло изваяние Будды. В тени он уснул, а когда проснулся, то обнаружил, что весь его хлопок исчез. Он немедленно заявил об этом в полицию.

Судья по имени О-ока начал следствие.

— Должно быть, это каменное изваяние Будды повинно в пропаже хлопка, — заключил судья. —

Ведь это его прямой обязанностью является забота о благосостоянии людей. Раз он пренебрег своим святым долгом, то арестуйте его.

Полиция арестовала изваяние и притащила его в суд. За статуей шла шумная толпа, которой любопытно было узнать, какой приговор вынесет судья.

Когда О-ока занял свое судейское место, то тут же упрекнул шумливую аудиторию:

— Какое право имеете вы смеяться и шутить во время суда? Вы все не уважаете суд, а потому подлежите штрафу и тюремному заключению.

Люди поспешили извиниться.

— Хорошо, я наложу на вас только штраф, — смягчился судья. — Я повелеваю, чтобы каждый из вас в течение трех дней доставил в суд по свертку хлопка. Кто этого не выполнит, немедленно будет арестован.

Совершенно понятно, что один из принесенных свертков сразу был опознан купцом как его собственный, а потом легко нашли воришку. Купцу вернули его добро, а остальные свертки были возвращены их владельцам.

Так каменное изваяние Будды послужило правосудию.

Ученый диспут

Однажды повстречались в саду два мастера дзэн и решили, раз уж подвернулся такой случай, поделиться друг с другом своей мудростью. Они удобнее уселись, и первый мастер рассказал свою историю:

— Позавчера я проходил мимо рынка и увидел человека, продававшего драгоценности. На одной чаше весов у него было золото, а на второй — обычный чугун, и он уравнивал их. Я смотрел на это действие и видел баланс вселенной.

Второй мастер улыбнулся и сказал:

— Баланс — это не смесь чугуна с золотом или хорошего с плохим. Баланс — это равновесие между тем, что внутри и что снаружи. Вот так, три дня назад я видел, как один монах медитирует, глядя на полстакана воды. И я вспомнил, как еще в самом начале своего обучения я вдруг осознал, что такой стакан наполовину наполнен, но в то же время он и наполовину пуст. И именно в этом гармония и красота мира.

— А я всегда думал, что такой стакан, пожалуй, чересчур великоват, — оживился первый мастер.

Письмо умирающему

Однажды Басё написал письмо одному из своих учеников, который тяжело болел и был уже близок к концу:

«Сущность твоего разума не была рождена и потому никогда не умрет. То, что тленно, — не жизнь. Пустота — это не вакуум. У нее нет цвета, нет формы. Она не получает наслаждения от удовольствий, но и не страдает от боли.

Я знаю — ты очень болен. Как хороший дзэнский ученик, ты мужественно встречаешь эту напасть. Ты не можешь точно знать, кто страдает, но спроси себя: «Что является сущностью этого разума?» Думай только над этим. Больше от тебя ничего не требуется. Не делай ничего. Твой конец, который не имеет конца, похож на хлопья снега, тающего в чистом воздухе».

Непреклонный мастер Фугай

Мастер Фугай был известным художником. Он считался человеком мудрым и благородным. Но при этом он был непреклонно суров, как по отношению к самому себе, так и к своим ученикам.

Говорят, что Мастер Фугай встретил свой конец весьма необычным образом.

Почувствовав, что подходит его последний день, он быстро выкопал яму, забрался в нее и велел землекопу засыпать его землей.

Последнего это настолько потрясло, что он бросил свою лопату и убежал. Через некоторое время он вернулся к яме с людьми. Они обнаружили Мастера, стоящим в яме с большим достоинством уже мертвым.

Чао Буджи

Чао Буджи родился с первыми лучами солнца в самом начале лета. От рождения он был слаб и часто болел, но зато когда выздоравливал, то наполнялся такой неудержимой энергией и жизнелюбием, что среди соседских мальчишек не было ему равных по озорству, по выдумкам и неутомимости, как будто он стремился наверстать все, что упускал за долгие дни болезни.

В общем, все его детство состояло как бы из двух разных половинок, очень не похожих одна на другую. Мать мальчика, сама очень нервная и болезненная женщина, обычно вся преображалась,

когда заболел ее сын. Позабыв о собственных печалях и болезнях, она щедро одаривала сына материнской нежностью и заботой. Когда же сын выздоравливал, то начинала хандрить сама; будто сразу старела и становилась строгой и ворчливой. Отец мальчика, крупный имперский сановник, был человеком сдержанным и честолюбивым. Он видел (или хотел видеть) в сыне множество талантов и прочил ему замечательную карьеру. И мальчику хотелось заслужить любовь этого сильного и умного человека; ему казалось, что мать любит его лишь тогда, когда он болен и слаб, и ему очень хотелось стать таким человеком, как его отец.

Когда мальчику исполнилось 11 лет, отец отдал его к знаменитому Хоэню, музыканту, чье искусство славилось даже за пределами империи.

У Хоэня было достаточно талантливых учеников, тем не менее очень скоро Чао Буджи стал в числе первых, поражая своего наставника легкостью, с которой схватывал все, чему тот его учил. Сердце учителя радовалось, а сердце Чао Буджи наполнялось тайной гордостью. Но однажды Хоэнь допустил дерзость по отношению к самому императору и оказался в опале. Моментально Хоэня покинули все его ученики, забрал сына и отец Чао Буджи.

Однажды мальчик рассказал отцу о своем тайном увлечении — о том, как в долгие зимние ночи пробирался он на крышу дома Хоэня и там часами сидел, замороженно наблюдая за звездами, считая их, придумывая им свои названия. А в последние месяцы он нашел в богатой библиотеке учителя книгу о звездах и тайком ею зачитывался и даже учился делать расчеты и предсказывать по звездам будущее.

Отец серьезно задумался и отдал Чао Буджи на обучение к самому Сун-Чусиню.

— Ты должен стать первым звездочетом, самым доверенным и приближенным к императору человеком, — напутствовал отец мальчика.

В итоге Чао Буджи у остался Сун-Чусиня и понравился мастеру. Он прочитал кучу книг и научился очень многому. Вскоре он стал вызывать зависть у своих товарищей, других учеников Сун-Чусиня. Теперь учитель главное свое внимание уделял новому ученику, чьи успехи были несомненны. Но Чао Буджи не замечал этой зависти и по-прежнему оставался искренен с ними, поверяя им свои маленькие тайны. И так продолжалось до той поры, пока Чао Буджи не исполнилось 18 лет.

Однажды он открыл Тао Юаню, которого считал ближайшим своим другом, что тайком от учителя он уже несколько раз ходил слушать, как читает свои стихи Су Дунпо, бродячий монах, наставник дзен и поэт. Эти стихи сильно взволновали юношу, и он даже пересказал другу кое-что из того, что запомнил. В тот же вечер Тао Юань передал этот разговор Сун-Чусиню. Гнев учителя был беспределен: столь дерзкогослушания и самовольства не позволял себе еще ни один из его учеников.

— Это правда? — накинулся он на Чао Буджи.

— Да, — едва выговорил юноша.

— Тогда прочь из моего дома! — взревел учитель. — Убирайся вон!

Это было так внезапно, так страшно, что юноша и рта не раскрыл в свое оправдание. Он ушел, поникший и растерянный. Однако постепенно шаг его вновь стал твердым, а взгляд уверенным. Он теперь знал, куда идет.

Су Дунпо принял юношу тепло и радушно. И началась для Чао Буджи новая жизнь, полная удивительного познания гармонии мира. Обучение у Су Дунпо было для юноши так необычно, так непохоже на все, чем он занимался в прошлом. Сам

наставник, казалось, светился какой-то неземной мудростью, и Чао Буджи полюбил этого человека и проникся к нему глубочайшим уважением.

Су Дунпо и его ученики вели бродячий образ жизни. Они постоянно переходили из города в город, из селения в селение. Постоянно, сделав привал в пути, внимали они наставнику, учившему их видеть и передавать в стихах неповторимое и неохватное величие каждого мгновения жизни, вечно новой и неизбывной, равно достижимой для всех и столь же для всех неуловимой, самодостаточной и безграничной.

Шли годы. Менялись ученики: одни уходили, чтобы дальше идти своим путем, а им на смену приходили новые. Один лишь Чао Буджи неизменно оставался с учителем. В итоге он достиг значительного мастерства.

Однажды они остановились в одной деревне, в которой Чао Буджи встретил девушку и полюбил ее, а она полюбила его. Но через некоторое время Су Дунпо сказал, что они должны уходить. Тогда впервые Чао Буджи обратился к наставнику с просьбой:

— Учитель, подожди немного, пока мы поженимся; тогда мы уйдем за тобой вместе с ней. А иначе ее выдадут за другого!

Су Дунпо ответил холодно:

— Ты, конечно, можешь остаться. Но если ты хочешь достичь вершин мастерства, то пойдешь со мной сейчас же.

И Чао Буджи ушел с учителем, сдерживая боль в сердце и не оборачиваясь назад, где у дороги сидела плачущая девушка.

В другой раз они проходили через столицу, и Чао Буджи забежал в свой родной дом и увидел там запустение, наступившее после смерти его отца. К тому же и мать его тяжело болела и находилась при смерти. Но Су Дунпо не собирался останавливаться в столице и заявил, что сразу же пойдет дальше. И снова просил Чао Буджи учителя, чтобы тот задержался и подождал, и опять учитель ответил ему холодно:

— Ты вправе остаться, но, если ты хочешь достичь вершин мастерства, ты пойдешь со мной немедленно.

И опять Чао Буджи смирил свое сердце и последовал за наставником. И все это время продолжал он впитывать мудрость учителя и совершенствоваться в поэзии.

И вот уже приблизился он к вершине мастерства, и сам Су Дунпо начал признавал, что стихи

его ученика стали порой превосходить его собственные. И там, где они останавливались, люди теперь заворожено слушали Чао Буджи и находили, что никогда еще не доводилось им слышать что-то прекраснее.

Шло время. У Су Дунпо появились новые ученики. И теперь все свое внимание он уделял им, молодым и неумелым. И не встречал уже Чао Буджи теплого взгляда учителя, не ощущал уже его ободряющей руки на своем плече. Теперь все чаще учитель глядел как бы сквозь него. А Чао Буджи все ходил за учителем и надеялся вернуть его любовь. Однако наставник оставался холоден как лед. Однажды Чао Буджи не выдержал:

— Учитель! Почему ты отвернулся от меня? Неужели не достиг я того, чего ты хотел? Неужели не оправдал я твои надежды?

Су Дунпо молчал, и это его молчание терзало сердце Чао Буджи.

— Учитель! Ведь я принес тебе такие жертвы!

И тут наставник засмеялся — прямо в лицо Чао Буджи:

— Ты думаешь, мне нужны были эти твои жертвы?

Он смеялся ледяным смехом, и его смех — жесткий, колючий, парализующий — проникал в само существо Чао Буджи и наполнял его отчаянием. Молодому человеку казалось, что весь мир смеется сейчас над ним, одураченным, опозоренным, так и не понявшим чего-то главного.

Земля уходила из-под ног Чао Буджи. Он повернулся и побежал прочь, не разбирая дороги. Он бежал сквозь оглушительный хохот, чтобы навсегда расстаться с этим позором, расстаться с самой жизнью. Наконец выбежал он к обрыву и замер, подставив грудь ветру. Внизу лежали острые камни и шумел бурный поток. Последний шаг отделял Чао Буджи от избавления. И в последний раз захотелось ему вспомнить лицо учителя, который так жестоко смеялся над ним. И Чао Буджи вспомнил глаза Су Дунпо и отступил от пропасти, повернулся и пошел назад.

Ибо понял он, что любим и что для этого вовсе не обязательно быть великим!

Сила последнего желания

Когда-то жил на свете самурай. Однажды в жаркий летней день мимо его дома проходил путник, уставший, изнуренный жаждой. Увидев колодец во

дворе дома, принадлежащего самураю, он не удержался, перелез через ограду и досыта напился холодной, живительной водой из этого колодца. Слуги самурая схватили несчастного путника и привели к хозяину.

Самурай был жесток по природе; он повелел вывести путника во двор. Вскоре он сам туда вышел и сказал:

— Человек, я отрублю тебе голову, а выпитая тобой вода, очистившись землей, снова восполнит мой колодец.

Путник ответил:

— Клянусь, я отомщу тебе, и после моей смерти мой дух настигнет тебя!

Самурай рассмеялся и ответил:

— Я поверю тебе лишь в том случае, если твоя отрубленная голова укусит вон тот камень.

— Хорошо, я согласен, — ответил путник.

Самурай взмахнул мечом, и голова покатилась. Но не просто так, но, подкатившись к указанному камню, яростно вцепилась в него зубами. Слуги самурая пришли в ужас, а сам он спокойно вытер меч и убрался восвояси.

Долго еще потом домочадцы ожидали злого духа; их пугали шорохи в листве, вечерние тени. Как-то

один из доверенных слуг, набравшись храбрости, спросил самурая:

— Хозяин, как же ты не боишься мести убитого тобою путника?

На что самурай ответил:

— Его желанием после смерти, а значит, последним желанием, самым сильным, было укусьить камень, а не отомстить мне. Он и выполнил это свое последнее желание, а значит, его дух спокоен.

Семейство чаньских мирян

Во время династии Тан жил упасака (то есть мирянин, активно практикующий учение) по имени Пан-юнь, он же Дао Сюань; его родным городом был Хэн Ян, что в провинции Хунань. Поначалу Пан-юнь придерживался конфуцианских взглядов. Однако в начале правления Чжэнь-юаня (785—804) он прослышал об учении наставника Ши-тоу и отправился к нему. Первым его вопросом при встрече с Ши-тоу стало: «Кто тот человек, что отвергает все Дхармы, в отличие от своих сотоварищей?» (Согласно Чарльзу Луку, вопрос этот на самом деле означает: «Кто из людей более не привя-

зан к вещам и феноменальному миру?») Ши-тоу протянул руку и прикрыл рот Пан-юня. И гость мгновенно понял этот жест. (Опять-таки, по Луку, Пан-юнь воспринял то, что прикрыло ему рот, и пробудился к собственной природе, которая была невидима и проявилась посредством действия.)

Однажды Ши-тоу спросил Пан-юня: «С тех пор как ты увидел этого старого человека (то есть меня), чем ты занимался каждый день?» Пан-юнь отвечал: «Если вы спрашиваете меня, чем я занимался, то я не знаю, как открыть свой рот». И тут же предложил Ши-тоу следующее стихотворение:

Нет ничего особенного в том, чем я занимаюсь каждый день;

Я только поддерживаю гармонию с ним.

Я нигде ничего не принимаю и не отвергаю,

Как и здесь не утверждаю и не опровергаю ни одной вещи.

Почему люди говорят, что красное отличается от пурпурного?

На голубой горе нет ни частички пыли.

Сверхъестественные силы и чудотворные деяния — в том,

Чтобы всего лишь принести воду и набрать дров (12).

Ши-тоу одобрил стихотворение и спросил Пан-юня: «Присоединишься ли ты к сангхе или останешься мирянином (упасака)?» Пан-юнь ответил: «Я поступаю так, как хочу», — и не стал выбривать себе голову.

Через некоторое время Пан-юнь посетил наставника Ма-цзу и спросил его: «Кто тот человек, что отвергает все Дхармы, в отличие от своих сотоварищей?» Ма-цзу ответил: «Я скажу тебе после того, как ты выпьешь всю воду Западной Реки». (По словам Лука, когда человек обретает просветление, его тело распространяется повсюду и вмещает все, включая и Западную Реку.) Услышав это, Пан-юнь тотчас же пробудился к глубочайшему учению. Он провел в монастыре Ма-цзы два года.

После полного осознания своей изначальной природы упасака оставил все мирские занятия, выбросил в реку Сян все свое состояние, насчитывавшее 10 тысяч связок золотых и серебряных монет, и начал зарабатывать себе на жизнь изготовлением изделий из бамбука.

Пан-юнь был женат, имел дочь и сына, и вся его семья разделяла его занятия чань и тоже добилась величайших успехов в познании собственной природы.

Однажды, обсуждая со своей женой учение о рождении, упасака воскликнул: «Трудно! Трудно! Трудно! Все равно, что положить на верхушку дерева кунжутные семена — невозможная задача для непросветленного человека».

Его жена тут же возразила: «Легко! Легко! Легко! Сотня травинок — это свидетельство наставников».

Услышав этот диалог, их дочь Лин Чжао сказала со смехом: «Два старика! Разве можно так говорить?» Упасака спросил дочь: «Что же ты тогда скажешь?»

Лин Джао моментально ответила: «Это не трудно! И это не легко! Когда человек голоден, он ест, а когда устал, он спит».

Пан-юнь захолопал в ладоши, засмеялся и сказал: «У моего сына не будет жены, у моей дочери не будет мужа. Мы все останемся вместе, чтобы говорить на языке нерожденных».

Уход из жизни Пан-юня и его близких

Когда упасака почувствовал, что близок его срок, он подготовил себе место у алтаря, на котором собирался перейти в мир иной (он был намерен

сделать это в полдень), занял его и попросил Лин Чжао: «Выйди и посмотри, который сейчас час; если полдень, то дай мне знать».

Ли Чжао вышла на улицу и, тут же вернувшись, заявила: «Солнце — посреди неба, но, к несчастью, его заглатывает небесный пес (то есть начинается затмение). Отец, почему бы вам не выйти и не посмотреть самому?»

Поверив дочери, Пан-юнь покинул свое место и вышел на улицу. Лин Чжао не медлила — она тут же забралась на его место, уселась, скрестив ноги, и, сложив ладони на груди, испустила дух.

Когда упасака вернулся и увидел, что Лин Чжао умерла, то лишь сказал со вздохом: «Моя дочь всегда была очень умной девочкой». Теперь ему пришлось отложить на неделю свой уход — нужно было сначала похоронить дочь должным образом.

Неделю спустя к упасаке пришел мировой судья Ю Ти, чтобы справиться о его здоровье. Пан-юнь прочитал ему гатху:

Обязуйтесь только искоренять все, что есть;

Остерегайтесь принимать за реальность то, что ею не является.

Жизнь в этом мире —

Лишь тень, эхо.

С этими словами, он положил голову судье на колени и скончался. Как того хотел Пан-юнь, его тело было кремировано, а пепел развеен над озером.

Жена Пан-юня, узнав о его смерти, пошла сообщить об этом сыну. Услышав новость, сын — а он в это время трудился в поле — прекратил работу, оперся подбородком о ручку своей мотыги и, стоя, скончался. Став свидетельницей этих трех последовавших одна за другой смертей близких людей, мать семейства удалилась в неизвестном направлении, и сегодня никто не знает, что с нею стало.

Итак, все четыре члена семейства Пан-юня были наделены сверхъестественными способностями и могли творить чудеса.

В руках судьбы

Великий японский воин по имени Нобунага решил атаковать противника, хотя врагов было в десять раз больше. Все равно он был уверен, что победит, но его солдаты в этом сомневались.

По дороге он остановился у синтоистской святыни и сказал своим людям:

— После того как я навешу святыню, я подброшу эту монетку. Если выпадет орел — мы победим, если решка — можем проиграть. Судьба держит нас в руках.

Нобунага вошел в святое помещение и молча помолился. Вернувшись, он подбросил монетку. Выпал орел. Его солдаты так рвались в бой, что легко выиграли битву.

— Действительно, никто не может изменить судьбу, — сказал ему слуга после битвы.

— Конечно, нет, — ответил Нобунага, показывая ему монетку, у которой орел был с обеих сторон.

Абсолютная осознанность

В Японии в воинах воспитывают бдительность, осознанность. Это является основой обучения, все остальное — второстепенно. Искусство фехтования, искусство стрельбы из лука — лишь способы развить бдительность.

О великом мастере Риндзае рассказывают, что и он не всегда добивался успеха в стрельбе из лука. Его стрелы иной раз пролетали мимо цели. А он был известен как один из величайших лучников. Когда же спрашивали: «Почему именно он

считается великим лучником?», — его ученики отвечали:

— Это — не конечная цель, а начало. Мы не имеем отношения к стреле, достигающей цели, мы имеем отношение к стреле, начинающей свой путь.

Среди учеников Риндзая был один известный лучник. Ежедневно он тренировался в стрельбе, и все его стрелы попадали точно в цель. Риндзай говорил ему:

— Все равно это неудача. Технически стрела вылетает правильно, но ты не весь здесь. Ты теряешь бдительность в своем сне наяву.

Однажды Риндзаю доложили, что к ним пришел неизвестный мастер, который демонстрирует величайшее искусство стрельбы из лука. Риндзай вышел посмотреть. Действительно, человек поражал своим мастерством.

Когда он прицелился и натянул тетиву, на его локоть поставили чашу с водой, и он продолжал стрелять. Когда первая стрела поразила цель, вторая уже была в тетиве, и за ней сразу последовала третья. Сам он при этом даже не шелохнулся.

Мастер, посмотрев на это, сказал:

— Техника твоей стрельбы действительно хороша, но это — всего лишь техника. Ты выглядишь

как статуя только снаружи. Пойдем сейчас на высокую гору, встанем на скалу, выступающую над пропастью, и тогда ты попробуешь стрелять.

Они взобрались на гору. Стоя на скале, выступающей над пропастью в тысячу метров глубиной, учитель подался вперед, пока одна треть его ступней не повисла над пропастью. Потом он предложил встать лучнику рядом и стрелять. Тот подошел, глянул вниз — ноги его задрожали, лицо побледнело.

Продолжая стоять над пропастью, точно статуя, мастер сказал:

— Совершенный человек поднимается над голубым небом, ныряет в желтый источник или странствует во всех восьми пределах мира, и в душе его нет признаков изменения. Но ты был обманут признаками дрожи, твои глаза ошеломлены. И ты надеешься поразить в таком состоянии поразить цель?

Все — лучшее

Однажды Бандзэн шел по рынку и услышал такой разговор между покупателем и мясником.

— Дай-ка мне самый лучший кусок мяса, — потребовал покупатель.

— Все, что есть у меня в лавке, — лучшее! — ответил мясник. — Ты не сможешь найти кусок мяса, который не был бы самым лучшим.

Услыхав эти слова, Бандзэн обрел просветление.

Испытание

Однажды знаменитый японский военачальник и поэт Датэ Масамунэ (XVI — XVII вв.) задумал найти нового настоятеля для фамильного дзэнского храма. Кандидатура была ему вскоре представлена. Масамунэ пригласил к себе в замок монаха по имени Ринан. Когда монах явился, ему навстречу никто не вышел. В полном одиночестве он шел по залам и коридорам, наконец, толкнул последнюю закрытую дверь и увидел хозяина. Князь Масамунэ стоял на пороге с занесенным над монахом мечом.

— Что скажешь в этот миг между жизнью и смертью? — грозно спросил князь.

Не теряя времени, искусный монах поднырнул под руку Масамунэ, обхватил его за талию и так тряхнул, что тот опустил меч от боли и неожиданности.

— Опасные шутки ты шутишь, монах, — прокричал Масамунэ, слегка оправившись от потрясения.

— Ох, уж эта ваша гордыня! — ответил монах, ослабляя свою мертвую хватку.

Гун-ани и притчи о разном

Говорящий мертвец

Когда Мамийя, который позже стал известным проповедником, впервые пришел к учителю, тот прежде всего попросил его объяснить, что такое хлопок одной ладони.

Мамийя стал напряженно обдумывать эту проблему: что же такое хлопок одной ладони?

— Ты трудишься недостаточно усердно, — сказал ему учитель. — Ты слишком привязан к пище, комфорту, мирским вещам и всему такому. Лучше бы ты умер — это решило бы твою проблему.

Когда Мамийя в следующий раз появился перед учителем, тот снова велел ему показать, что же такое хлопок одной ладони. Мамийя моментально упал на землю и притворился мертвым.

— Ты умер очень хорошо, — сказал учитель, насмешливо глядя на него. — Только что же все-таки с хлопком?

— Я еще не решил эту задачу, — ответил Мамийя, глядя на учителя снизу вверх.

— Мертвецы не разговаривают, — заявил учитель, — убирайся вон!

Пора спать

Гадзан сидел у постели своего учителя Текисуна за три дня до его смерти. Текисун уже выбрал Гадзана своим преемником.

У Гадзана было много забот, а тут еще тяжелая болезнь учителя. Их храм недавно сгорел, и Гадзан торопился восстановить его. Текисун спросил слабым голосом:

— Что ты собираешься делать, когда храм будет восстановлен?

— Когда ты выздоровеешь, мы хотим, чтобы ты в нем проповедовал, — отвечал Гадзан.

— А если я не доживу до тех пор, тогда что?

— Тогда у нас будет наставником кто-то другой, — пожал плечами Гадзан.

— А если вы никого не найдете на мое место, что тогда? — продолжал допытываться Текисун.

Гадзан ответил громко и резко:

— Не задавай глупых вопросов. Пора спать!

Взяток не беру

Тосуи был знаменитым дзэнским Мастером в Японии. Однако он отказался от цивилизованной жизни в храме и вел жизнь под мостом вместе с нищими. Когда он совсем состарился, один его друг соорудил ему маленькую хижину и научил простому способу зарабатывать на пропитание без попрошайничества. Он показал Тосуи, как собирать рис и делать из него уксус, и мастер занимался этим до самой смерти.

Кто-то из нищих подарил ему портрет Будды Амида. Тосуи повесил его на стенку своей лачуги и сделал под ним надпись: «Господин Будда Амида, эта маленькая комната очень узка. Все же я могу позволить вам остаться здесь на время. Но не думайте, что я прошу вас за это помочь мне оказаться в вашем раю» (13).

Мудрость улитки

Одного Мастера дзэн спросили, испытывал ли он когда-нибудь разочарование оттого, что его долгие постоянные усилия приносят меньше плодов, чем ему бы хотелось.

В ответ Мастер рассказал историю об одной улитке, которая начала взбираться по вишневному дереву холодным ветренным днем запоздалой весны. Воробьи на соседнем дереве от души потешались, глядя на нее. Затем одни из них подлетел к ней и защебетал:

— Эй, ты, разве не видишь, глупая, — на этом дереве еще даже нет вишен?

Не прерывая своего пути, малютка ответила:

— Будут, когда я доберусь до кроны.

Собственная сокровищница

Дайдзю навестил учителя Басё в Китае. Басё спросил:

— Чего ты ищешь?

— Просветления, — ответил Дайдзю.

— У тебя есть собственная сокровищница. Почему ты ищешь чего-то на стороне? — спросил Басё.

Дайдзю спросил:

— Где же моя сокровищница?

Басё ответил:

— То, что ты спрашиваешь, и есть твоя сокровищница.

И Дайдзю обрел просветление. Позже он часто твердил своим друзьям: «Открой свою собственную сокровищницу и черпай сокровища оттуда».

История с разрубленной кошкой

Наньцюань узнал, что монахи Западного и Восточного залов монастыря заспорили о том, кому из них принадлежит монастырская кошка. Он схватил кошку и сказал монахам: «Тот из вас, кто скажет правду, спасет кошку». Все, однако, промолчали, и тогда Наньцюань разрубил кошку пополам.

Вечером в монастырь вернулся Чжаочжоу. Наньцюань рассказал ему о случившемся и спросил его, как бы он поступил на месте монахов. Чжаочжоу снял сандалии, положил их себе на голову и вышел прочь.

«Жаль, что тебя там не было, — воскликнул Наньцюань. — Иначе кошка была бы спасена».

Умэнь прокомментировал историю: «Зачем Чжаочжоу положил сандалии на голову? Если кто-нибудь знает ответ, то он поймет, что Наньцюань не впустую давал свое обещание. А тот, кто не знает, пусть поостережется».

Задание с ручьем

Один дзэнский учитель, Бокудзю, часто давал монахам такое задание: «Иди и пересеки ручей, но не позволяй воде прикоснуться к тебе».

Надо сказать, что через ручей, бегущий возле монастыря, не было никакого моста. Многие монахи пытались выполнить задание учителя, но, конечно же, безуспешно. Когда они переходили ручей, вода к ним прикасалась. В общем, в конце концов один монах явился к учителю и сказал:

— Вы задали нам неразрешимую задачу. Мы пытаемся пересечь этот ручей, но через него нет моста. Был бы мост, то, конечно, мы запросто пересекли бы ручей, и вода бы к нам не прикоснулась. Но мы вынуждены идти через поток, и вода к нам прикасается.

И Бокудзю сказал:

— Хорошо, я сам пойду и пересеку его, а вы все наблюдайте.

И Бокудзю перешел через ручей. И вода, конечно же, прикоснулась к его ногам, как и к любым другим ногам. Монахи воскликнули:

— Смотрите, вода прикоснулась к вам!

Бокудзю пожал плечами:

— Насколько я знаю, вода не прикоснулась ко мне. Я был просто свидетелем. Вода прикоснулась к моим ногам, но не ко мне. Я был просто свидетелем происходящего.

Великое искусство

Одного художника император попросил написать Гималаи на стенах его дворца. Этот художник, мало того, что был весьма знаменит, он к тому же являлся признанным Мастером дзэн. Художник ответил, что для этой работы ему требуется три года прожить в Гималаях. Император спросил:

— Это займет у тебя целых три года?

Художник покачал головой:

— Я прошу у вас минимум времени: пока я сам не стану частью Гималаев, я не смогу их написать. Мне нужно пойти туда и раствориться в них.

По прошествии трех лет художник вернулся и расписал стену дворца буквально за три дня. Император вышел посмотреть.

Это было чудо! Он никогда не видел таких прекрасных манящих гор. Даже настоящие Гималаи — а император и сам некогда там побывал — выглядели бледнее в сравнении с тем, что он видел перед собой. Император долго любовался картиной, не в силах от нее оторваться, и вдруг робко произнес:

— Здесь я вижу одну тропинку; интересно, куда она ведет?

Художник ответил понимающим взглядом:

— Мы можем пойти и посмотреть.

Они ушли и больше не вернулись.

Визитка

Дзэнский Мастер Кейчу возглавлял главный храм в Киото. Однажды послушник принес ему визитную карточку и сказал, что этот человек желает его видеть. На карточке было написано: «Китагаки, губернатор Киото». Кейчу равнодушно посмотрел на визитку и произнес:

— Скажи, что я не могу принять его.

Послушник отнес визитку обратно и, извинившись, передал слова Мастера.

— Это моя ошибка, — воскликнул губернатор и, зачеркнув слова «Губернатор Киото», отдал визитку послушнику снова. — Попроси-ка своего учителя еще раз.

— А, так это Китагаки! — воскликнул Кейчу, снова увидев визитку. — Я непременно хочу видеть этого человека.

Своевременная песня девушки

Еще будучи послушником, будущий основатель монастыря Ситань, что на горе Петушиная Лапа (Цзицзу, *кит.*), обратился за наставлениями к просветленным наставникам и достиг довольно значительных успехов под их руководством. Однажды, путешествуя, он остановился в гостинице и услышал, как девушка из лавки по соседству, торговавшей соевым творогом, поет такую песню:

Соевый творог—Чжан и Соевый творог—Ли (14),

Пока ваши головы лежат на подушке,

Вы даете начало тысяче мыслей,

Однако на завтра вы снова будете продавать соевый творог.

Наставник в этот момент медитировал и, услышав эту песню, тотчас же достиг пробуждения.

Комментарий Чарльза Лука: «Занимаясь медитацией, он уже избавился от всех побочных мыслей, и, услышав песню, он мгновенно воспринял то, что этой песне внимало, то есть собственную природу. Название этого явления — всецелое просветление Авалокитешвары при помощи слуха, или успешное использование слуха для восприятия собственной внутренней природы».

Подвижник-чудотворец

Один монах-затворник, проживший в гроте на маленьком островке более 20 лет и добившийся больших успехов своим усердием, вернулся, наконец, к людям и поселился в крытой соломой хижине на обочине дороги в провинции Фуцзянь. Жил он в основном тем, что угощал чаем проходивших путников.

Было это во время правления Вань-ли (1573—1619), в год кончины императрицы-матери. Император пожелал пригласить выдающихся монахов, чтобы они выполнили буддистские обряды во благо его усопшей матери. Вначале он собирался при-

гласить монахов из столицы, но в то время там не оказалось выдающихся подвижников. Однажды ночью император увидел во сне свою мать, которая сказала ему, что есть такой монах, который ей нужен, в префектуре Чжанчжоу провинции Фуцзянь. Император послал туда чиновников, чтобы они пригласили всех местных монахов в столицу для совершения обрядов. Когда все эти монахи со своими узелками, направляясь в столицу, проходили мимо хижины бедного монаха, тот спросил их:

— Преподобные наставники, отчего вы так счастливы и куда держите путь?

Монахи ответили:

— Мы получили повеление императора прибыть в столицу для совершения обрядов ради его покойной императрицы-матери.

Бедный подвижник спросил:

— А можно мне пойти с вами?

Ему ответили:

— Ты так жалок! Как ты можешь с нами идти?!

Подвижник сказал:

— Я не умею читать сутры, но могу нести ваши узлы. Посещение столицы этого стоит.

С этими словами он поднял узлы и отправился в столицу вместе с ними.

Между тем, узнав, что монахи скоро придут, император поручил одному чиновнику спрятать под дворцовым порогом экземпляр «Алмазной сутры».

Не подозревавшие о том монахи перешагнули порог один за другим и вошли во дворец. Лишь бедный подвижник повел себя по-другому. Приблизившись к порогу, он опустился на колени и сложил ладони перед грудью. Напрасно привратники окликали его и пытались поскорее затолкать внутрь. Об этом эпизоде доложили императору, который понял, что прибыл нужный ему монах, и лично вышел ему навстречу.

Но прежде император спросил:

— Почему вы не входите во дворец?

Монах отвечал:

— Я не отважусь на это, потому что под порогом лежит «Алмазная сутра».

Тогда император предложил:

— Почему бы вам все же не войти, встав на голову?

В итоге монах уперся руками о землю и, совершив сальто, оказался во дворце. Император оказал ему величайшие почести и поместил во внутренних покоях дворца.

На вопрос об алтаре и обряде монах ответил:

— Обряд состоится завтра утром во время пятой ночной стражи. Мне понадобится лишь один алтарь с одним путеводным знаменем (15), один стол с благовониями, свечами и плодами для подношений.

Императору, конечно, не очень-то не пришлось по душе то, что предстоящий обряд будет столь скромным; в то же время он все-таки опасался того, что монах не обладает достаточным опытом и добродетелью для его проведения. На всякий случай он поручил двум придворным дамам прислуживать монаху при омовении. Придворные дамы сообщили императору, что во время омовения детородный орган монаха оставался неподвижен, что свидетельствовало о том, что монах, по крайней мере, не распутник.

В общем, все распоряжения монаха относительно приготовления к обряду были выполнены, и на следующее утро подвижник приблизился к алтарю, соединил ладони и, держа в руках знамя, подошел ко гробу с такими словами:

В действительности я не прихожу;

Однако в своих пристрастиях вы односторонни.

Стоит лишь в одной мысли осознать, что рождения нет,

Как вы пронесетесь над обителями дэв.

После церемонии подвижник заявил императору:

— Поздравляю вас с освобождением ее величества Императрицы-Матери!

Все же император еще сомневался в эффективности обряда, который закончился так скоро. Но тут в помещении вполне отчетливо голосом покойной императрицы прозвучали слова: «Отныне я свободна; ты должен поклониться святому наставнику в знак признательности».

Император был ошеломлен и просиял от радости. Он поклонился монаху и поблагодарил его. Во внутренних покоях дворца для наставника была приготовлена вегетарианская трапеза. Увидев на императоре цветистые штаны, монах задержал на них взор. Император тут же спросил:

— Преподобному прилились по душе эти штаны?

И тут же снял их и преподнес гостю. А затем даровал монаху титул Государственного Наставника «Штаны Дракона». После трапезы император пригласил монаха в сад, в котором возвышалась

драгоценная ступа. Увидев ее, монах пришел в восторг и остановился, чтобы ею полюбоваться. Император спросил:

— Государственному Наставнику пришлось по душе эта ступа?

Гость ответил:

— Она удивительна!

Император тут же решил:

— Я хочу поднести ее вам в знак почтения.

Когда хозяин отдавал распоряжения относительно отправки ступы в Чжанчжоу, монах сказал:

— В этом нет нужды, я могу забрать ее сам.

С этими словами монах накрыл ступу своим длинным рукавом, поднялся в воздух и исчез.

Предсказание Хосина

Мастер дзэн Хосин много лет прожил в Китае, где изучал чань. Вернувшись на родину, он поселился на северо-востоке Японии, где у него было много учеников. Уже совсем состарившись, он как-то поведал историю, слышанную им в Китае. Вот она:

— Как-то двадцать пятого декабря совсем уже состарившийся Тофуку сказал своим ученикам: «Я

не собираюсь жить в следующем году, так что вы, ребята, ведите себя со мной хорошо в этом».

Ученики решили, что он шутит, но поскольку он был великодушным учителем, то в оставшиеся дни уходящего года каждый по очереди приглашал его на праздничный обед. В канун Нового года Тофуку заявил: «Вы все были ко мне добры. Я покину вас завтра днем, когда кончится снегопад».

Ученики только посмеялись про себя, решив, что это — старческий бред. Да и ночь была ясной и бесснежной. Однако в полночь вдруг повалил снег, а на следующий день ученики долго нигде не могли найти своего учителя. Когда же они зашли в зал для медитаций, то увидели, что он умер там.

Рассказав эту историю, Хосин сказал ученикам:

— Мастеру дзэн нет нужды предсказывать свой уход, но он может это сделать, если захочет.

— А вы сможете? — спросил кто-то.

— Могу, — ответил Хосин, — через семь дней я докажу вам, что могу.

Никто из учеников ему, конечно, не поверил. Большинство даже забыли эту беседу, когда Хосин созвал всех снова.

— Семь дней назад, — начал он, — я объявил, что собираюсь вас оставить. На прощанье принято писать

стихотворение, но я — не поэт и не мастер каллиграфии. Пусть один из вас запишет мои последние слова.

Ученики все еще думали, что он шутит, но один из них приготовился писать.

— Готов? — спросил Хосин.

— Да, господин, — ответил ученик.

Тогда Хосин начал:

Из сиянья пришёл я —

Возвращаюсь в сиянье.

Что ж это?

До положенных каноном четырех строк не хватало еще одной, и ученик заметил: «Учитель, у нас не хватает строки».

Львиным рыком ответил ему Хосин: «Ха-а!..» — и ушел навсегда.

Просто вымой чашу

Один монах обратился к Чжаочжоу с просьбой:

— Я только что пришел в вашу обитель. Учитель, дайте мне наставление.

Чжаочжоу спросил его:

— А ты уже ел сегодня похлебку?

- Да, ед, учитель, — отвечал монах.
Чжаочжоу сказал:
— Тогда пойд и вымой свою чашу.
В этот момент монах прозрел.

Золотая середина

Император Китая сидел на помосте под навесом и читал книгу. Внизу мастер-колесник ремонтировал его карету. Через некоторое время император отложил книгу, стал с интересом наблюдать за действиями старого мастера, а потом его спросил:

— Почему ты, такой старый, сам ремонтируешь карету? Неужели у тебя нет помощника?

Мастер ответил:

— Твоя правда, государь. Ремеслу-то я своих сыновей научил, а вот свое искусство передать им не сумел. А твоя карета — работа ответственная; тут требуется особое искусство.

Император сказал недовольно:

— Что-то ты мудрено рассуждаешь, старик! Поясни-ка попроще свою мысль.

Старый мастер отвечал:

— Могу я тебя спросить, что ты читаешь? И жив ли тот человек, который написал эту книгу?

Император совсем уже начал сердиться. Видя это, старик сказал:

— Не сердись, пожалуйста, я сейчас поясню свою мысль. Видишь ли, мои сыновья делают хорошие колеса, но они не достигли совершенства в этом деле. Я достиг его, но как им передать мой опыт? Истина посередине.

Если сделать колесо крепким, то оно будет тяжелым и некрасивым. Если постараться сделать его изящным, то оно будет ненадежным. Где та грань, та мера, которой я руководствуюсь? Она внутри меня, я ее постиг. Это и есть искусство, но как его передать кому-либо? В твоей карете колеса должны быть изящными и крепкими одновременно. Вот и приходится мне, старику, самому делать их.

Так и трактат, который ты читаешь. Человек, написавший его много веков назад, достиг высокого понимания, но передать это понимание, я думаю, нет никакой возможности.

Два меча

Мастер Мурамаса делал самурайские мечи как разящее оружие. Мастер Масамунэ — как оружие, которым защищают свою жизнь.

Чтобы их сравнить, клинки вонзили в дно ручья. По течению плыли опавшие листья. Все листья, что прикасались к мечу Мурамаса, оказывались рассеченными на две части. Меч Масамунэ листья оплывали, не касаясь его.

Истинное процветание

Один богач попросил Сенгая написать амулет на процветание его семьи, чтобы оно продолжалось от поколения к поколению. Сенгай взял большой лист бумаги и написал:

«Отец умер, сын умер, внук умер».

Богач рассердился:

— Я просил тебя сделать надпись для счастья моей семьи. Зачем ты так глупо шутишь.

— Я и не собирался шутить, — отвечал Сенгай. — Если твой сын умрет раньше тебя, то это сильно тебя огорчит. Если твой внук умрет раньше твоего сына, то это разобьет сердца вам обоим. Если в твоей семье от поколения к поколению все ее члены будут умирать в том порядке, в котором я предложил, то это и будет естественным ходом жизни. Я называю это истинным процветанием.

Жизнь не может ждать

Мастер Ма-цзы, стремясь продемонстрировать своим ученикам состояние медитации, сказал:

— Если вы произнесете хоть слово, то я назначу вам тридцать ударов моей палкой, но если вы не произнесете ни слова, то получите то же самое — тридцать ударов палкой. Теперь говорите, говорите!

Один из учеников быстро вышел вперед и собрался было просто поклониться Мастеру, но получил удар. Ученик запротестовал:

— Я не произнес ни единого слова, да вы и не позволили мне произнести ни слова. За что же удар?

Мастер засмеялся и сказал:

— Если я буду ждать тебя, твою речь, твое молчание, то будет слишком поздно. Жизнь ждать не может.

Этот гнев — не ты

Ученик Мастера Банкея спросил его:

— У меня случаются приступы гнева, я хочу от него освободиться, но не могу. Что мне делать?

Банкей не сказал ни слова, просто заглянул глубоко в его глаза — ученик даже вспотел от этого взгляда. Ему хотелось нарушить молчание, но он не осмелился. Наконец, Банкей улыбнулся и сказал:

— Странно! Я искал и искал, но не смог найти гнева внутри тебя. Покажи мне хоть немного гнева здесь и сейчас.

Ученик сказал:

— Он не всегда здесь. Он проявляется внезапно. Как я могу показать его сейчас?

Банкей снова улыбнулся и сказал:

— Тогда это — не твоя истинная природа, которая остается с тобой всегда; и если бы твой гнев был частью тебя, ты бы смог мне его показать. Когда ты родился, его с тобой не было. Когда ты умрешь, его с тобой не будет. Этот гнев — не ты. Где-то тут есть ошибка. Уходи и подумай. Ищи! Медитируй!

Я живу обычной жизнью

Однажды Бокудзю спросили:

— В чем именно заключается ваше послушание? Какова ваша религиозная дисциплина?

Он отвечал:

— Да ни в чем. Я живу обычной жизнью — это моя дисциплина и послушание. Когда я голоден, я ем. Когда я хочу спать, то сплю.

Вопрошавший был озадачен. Он заметил:

— Но я не вижу в этом ничего особенного.

Бокудзю сказал:

— Но в этом вся суть. Нет ничего особенного. Все, кто жаждет чего-то особенного, являются эгоистами.

Вопрошавший все еще не понял и продолжал допытываться:

— Но это делают все: когда голодны — едят; когда хотят спать — спят.

Бокудзю засмеялся и сказал:

— Нет. Когда вы едите, то делаете тысячу и одну вещь: вы думаете, вспоминаете о чем-то, мечтаете, воображаете. Вы не только едите. Когда я ем, то я просто ем: тогда для меня существует только еда и ничего больше. Когда вы спите, то видите сны, может быть, кошмары. Когда же я сплю, то просто сплю — не существует больше ничего. Когда есть сон, то для меня есть только сон. Нет даже Бокудзю. Когда я гуляю, то существует только прогулка, нет никакого Бокудзю — только прогулка.

Не оставлять следов

Собравшись умирать, дзэнский монах Бокудзю попросил своих учеников принести все его книги, все, что он сам написал, и то, что с его слов записали ученики. Все это было сложено в кучу, но они не могли понять, что он собирается делать. А Бокудзю начал сооружать из книг костер.

Ученики закричали в ужасе.

А Бокудзю им сказал:

— Я собираюсь уйти и не хочу оставлять за собой следов. Я не должен оставить даже одного отпечатка своих ног. Отныне тот, кто пожелает следовать за мной, должен будет следовать за собой. Тот, кто захочет понять меня, должен будет понять себя. Вот почему я уничтожаю все эти книги.

Не что, а кто

Рассказывают, что Гадзан часто говорил своим ученикам: «Те, кто выступают против убийства и кто хочет сберечь жизнь всем живым существам, правы. Прекрасно защищать даже животных и насекомых. Но что делать с теми, кто разрушает

благополучие и собственное здоровье, кто убивает время? Мы не должны смотреть на них сквозь пальцы. Тот же, кто проповедует, сам не будучи просветленным, убивает Учение Будды».

На этот счет имеется чаньская пословица: «Когда искренний человек проповедует ложное учение, то оно становится истинным. Когда неискренний человек проповедует даже истинное учение, то оно становится ложным».

Четыре гун-аня из сборника Умэня Хуэй-кая (17)

Сяньянь, висящий на дереве

Наставник Сяньянь часто говорил ученикам: «Вообразите человека, который висит на дереве, уцепившись за ветку зубами. Он не может ухватиться за ветки руками, а под ногами его нет опоры. А в это время снизу кто-нибудь спрашивает его: «Почему Бодхидхарма пришел с Запада?» Если висящий на дереве человек промолчит, то обнаружит свою неспособность ответить на вопрос. Если он

откроет рот, он упадет и разобьется насмерть. Что же ему делать?»

Умэнь сказал: «В такой момент самое изощренное красноречие оказывается бесполезным. Даже если вы выучите наизусть все слова Канона, они тоже будут бесполезны. Когда вы сможете ответить на этот вопрос, вы придете к жизни, если прежде шли дорогой смерти, и придете к смерти, идя дорогой жизни. Если вы не сможете ответить, вам остается только дожидаться пришествия Майтрейи и спросить у него».

Сяньян – воистину редкостный злодей.

Его яд отравляет весь мир.

Он запечатывает уста монахов

И заставляет их смотреть глазами мертвецов.

Повозка Цзичжуна

Наставник Юэань однажды спросил монахов: «Цзичжун построил повозку с двумя колесами и сотней спиц. Если из нее вынуть ось, что станет с колесами?»

Умэнь сказал: «У того, кто ответит на этот вопрос, око Дхармы будет подобно блеску падающей звезды, а свет разума — вспышке молнии».

*Там, где сходятся спицы колеса,
Мудреца уже не отличить от невежды.
Это точка охватывает Небо и Землю,
Юг и север, запад и восток.*

Колокола и монашеская тога

Юньмэнь однажды сказал: «Мир так велик. Что же мы все вслушиваемся в удары колокола и надеваем монашескую тогу?»

Умэнь сказал: «Тот, кто постигает истину чань, должен отрешиться от всех звуков и презреть все образы. Хотя случалось и так, что просветления достигали, внимая звукам и созерцая образы, это обычай невежд. Монах, искушенный в мудрости, держит в узде звуки, отстраняет от себя образы и охраняет сокровенную истину в том, что известно каждому. Звук воздействует на ухо, ухо откликается звуку. Но когда забыты и звук, и смысл, что мы понимаем? Слушая ушами, трудно постичь истину. Чтобы понять воистину, нужно научиться видеть звук глазами».

Когда ты понимаешь, то ты живешь среди родни.

Когда ты не понимаешь, то ты всем чужой.

Тот, кто не понимает, живет среди родни.

А тот, кто понимает, — всем чужой.

Встреча с прозревшим

Наставник Уцзу говорил: «Когда вы встречаете на дороге человека, прозревшего истину, вы не можете обратиться к нему со словами и вы не можете промолчать. Что вам делать?»

Умэнь сказал: «Если вы поймете скрытый смысл этих слов, никто не сможет помешать вашему счастью. А если вы не поймете его, вы будете смотреть по сторонам широко раскрытыми глазами».

*Встретив прозревшего на дороге,
Не говорите с ним и не молчите,
Не раздумывая ударьте его посильней,
И то, что нужно понять, будет понято.*

Примечания

1) Сами слова «чань», а затем и «дзэн» возникли, естественно, не ранее, нежели первый патриарх чань, являвшийся к тому же 28-м индийским патриархом буддизма, появился в Срединной империи. Но это не значит, что сам принцип учения не использовался до него. В чаньской традиции названо 28 патриархов буддизма, с завершающим этот список Бодхидхармой, а затем еще 6 чаньских (дзэнских) патриархов, список которых начинает тот же Бодхидхарма (Дамо), а завершает Хуэй-нэн (Эно). Таким образом, последователи чань (дзэн) считают, что их традиция началась чуть ли не на тысячелетие ранее, нежели Бодхидхарма появился в Китае и обосновался в Шаолине, то есть со времен самого Будды.

2) «Так было однажды мною услышано» — этой фразой начинаются все сутры, входящие во второй раздел «Трипитаки»; их автор, Ананда, родственник и

любимый ученик исторического Будды, подчеркивает таким образом, что почерпнул свою историю непосредственно из уст Учителя.

3) Архат — «достойный», *санскр.*; человек, достигший полного освобождения от аффектов, полного просветления, вышедший из «колеса рождений и смертей», но не обретший полного всеведения будды. Его также называют пратьекабуддой, то есть «буддой для себя». В буддизме тхеравады архатство — высшая цель; в буддизме Махаяны будды постоянно побуждают архатов выйти из данного состояния, являющегося своего рода коконом, и сделаться бодхисатвами во благо всех живых существ.

4) Авторитетные писания обычно приводят именно эту цифру, хотя на самом деле такого быть просто не могло — как нам известно, Ананда значительно моложе Гаутамы. Согласно тем же писаниям, он появился на свет именно в тот великий день, когда Будда под деревом Бодхи достиг просветления. С того времени Будде оставалось еще около 45 лет земной жизни; Ананде же требовалось сначала подрасти, чтобы сопровождать Победоносного.

5) Особая психофизическая техника, которую часто сравнивают с йогой или китайской системой цигун.

6) В этом месте трудно отказаться от искушения сравнить манеры одного и того же, по сути, наставления, данного Победоносным в начале развития учения, с манерой, если можно так выразиться, обладающей сугубо чаньским ароматом. Итак, один монах пришел к учителю Дзесю и спросил: «Что, если человек ничего не приносит с собою?» «Брось это», — немедленно ответил Дзесю. «Что же ему бросать, если он ничем не обременен?» — был новый вопрос. «Если так, то носи это с собой», — был ответ.

7) В «Вималакирти-сутре» мы читаем следующее: «О монахи, пусть вас не волнуют грехи, содеянные вами, — сказал Вималакирти. — Почему? Да потому, что грехи в сущности не внутри, не снаружи и не в середине. Как учил нас Будда, все вещи порочны, когда ум порочен, и все вещи чисты, когда ум чист; ум также не внутри, не снаружи и не в середине. Как и ум, грехи и пороки, так и все вещи — они никогда не покидают чертога истины».

8) Этот небольшой философский трактат иногда называют Девизом верного ума.

9) Задания такого рода, как задал патриарх, то есть «узреть собственный лик, который существовал еще до рождения» и т. п., получившие название хуатоу, стали еще одним средством (после гун-аней) для про-

буждения монахов и впоследствии применялись в практике чань постоянно; мы видим, что первым это сделал именно последний патриарх чань.

10) Параллельно с проповедью Хуэй-нэна на Юге на Севере Поднебесной действовала гораздо более обширная школа Дзинсю, которая к тому же была признана официальной властью (сам Дзинсю одно время даже был министром). Коренное различие учений заключалось, прежде всего, в том, что Хуэй-нэн проповедовал доктрину мгновенного пробуждения, тогда как Дзинсю (изначально конфуцианец, кстати) говорил о постепенном и поэтапном процессе просветления. Дзинсю умер за 7 лет до Эно.

11) Это самое распространенное хуатоу — чаньский метод, со временем всерьез понеснивший гун-ани.

12) После просветления человек продолжает исполнять свои повседневные обязанности, как и раньше; единственное отличие — в том, что его сознание более недуально и находится в гармонии со своим окружением.

13) Будда Амида, или Амитабха, в прежней жизни был царем, а став Буддой, получил в свое владение некий буддийский рай — Землю бесконечной радости, в которой все, кто усердно зывал к его имени, смогут возродиться в будущей жизни.

14) Чжан и Ли — столь же распространенные китайские фамилии, как русские, предположим, Иванов и Петров.

15) Специальное знамя, указывающее духу покойного путь к Чистой Земле.

16) Умэнь Хуэй-кай — настоятель монастыря Лунсян в Дунцзя (1228 г.). Известен, прежде всего, тем, что составил для своих подопечных сборник из 48 гун-аней («Застава без ворот»), каждый из которых снабдил коротким комментарием и гатхой.

Основная литература

Ашвагхоша. Жизнь Будды. Пер. К. Бальмонта. — М., 1990.

Итс Р.Ф., Смолин Г.Я. Очерки истории Китая с древнейших времен до середины XVII века. — Л., Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1961.

Избранные сутры Китайского буддизма. Пер. с китайского Д.В. Поповцева, К.Ю. Солонина, Е.А. Торчинова. — СПб.: Наука, 2000.

Звучание тишины. Сборник медитативных притч дзэнских мастеров. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.

Кацуки С. Практика дзэн. Железная флейта (100 коанов дзэна). — Киев, 1993.

Кукушкин С.А., Ганус Г.А. Притчи. Ведический поток. — Ростов, 2001.

Лин-цзи лу. Вступительная статья, перевод с китайского, комментарии и грамматический очерк И.С. Гуревич. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

Лу Куан Юй (Чарльз Лук). Секреты китайской медитации. — К: Полиграфкнига, 1994.

Маслов А. Афоризмы и тайные речения Бодхидхармы. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.

Сэн-цань, третий чаньский патриарх. Письмена истинного сознания. Синь синь мин (Предисл., пер. с кит., коммент. Е.А. Торчинова). Буддизм в переводах. Вып. 1. — СПб., 1992.

Торчинов Е.А. Введение в буддологию. Курс лекций. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.

Философия китайского буддизма. (Вступ. ст., предисловия, пер. с кит., коммент. Е.А. Торчинова). — СПб., 2001.

Хун-Жэнь, пятый чаньский патриарх. Трактат об основах совершенствования сознания. Сю синь яо лунь (Предисл., пер. с кит., коммент. Е.А. Торчинова). — СПб, 1994.

Уотс А.В. Путь Дзен. — Киев: София, 1993.

Якушев А. Притчи. Победители и непобедимые. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

Юбилейный номер «The Maha Bodhi. International Buddhist Monthly». — Calcutta, 1956.

Suzuki D.T. Essays in Zen Buddhism. — New York, 1961.

First Book of Abidharma-Pitaka. — London, 1900.

«Living Zen» by Robert Linssen. Grove Press, New York. 1958.

Nyandatiloka. Guide through the Abidharma-Pitaka. 1938.

Содержание

Предисловие	3
Чаньские (дзэнские) притчи индийского периода буддизма (1).....	11
Монах Кашьяпа и Будда с цветком	11
История Кашьяпы	12
Будда выводит девушку из состояния самадхи	13
Искушение Будды	14
Бодхисаттва Манджушри	15
Ответ Будды атеисту	16
Флаг наставника у Кашьяпы	17
Второй патриарх буддизма Ананда	18
Не острый ум, а очищенное сознание	18
Воспарить над верой	19
Гаутама и муха	21
Смерть Нагарджуны	22
Гуру Нагарджуна	23
Как Васубандху сохранил свой язык	25
О неизбежности кармического воздаяния	27
О силе дисциплинарных правил	29
Брось это!	30
О цене вопросов	31
Благая причина	35

Гун-ани и притчи периода первого патриарха чань	38
Выбор Бодхидхармы	38
Каноническая версия прихода Бодхидхармы	40
Историческая справка	44
Бодхидхарма лишает себя ресниц	45
Бодхидхарма в одной сандали	45
Физическое восстановление патриарха	46
Пещера Бодхидхармы	47
Свидетельства смерти Дамо, официальные и не очень	48
В чем разница	49
Безбородый варвар	50
Кипарис во дворе	50
Четыре патриарха чань	52
Как Бодайдорума успокоил сознание Хуэй-кэ	52
Хуэй-кэ (Эка, яп.)	54
Патриаршество и смерть Хуэй-кэ (Эки)	57
Из переписки Хуэй-кэ с его учеником-мирянным	59
Третий патриарх Сэнцань (Сосан, яп.)	61
«Слова доверия сердцу» («Синдзима») патриарха Сэнцаня (8)	62
Молитва	70
Четвертый патриарх Даосин (Досин, яп.)	70
Даосин и мальчик	71

Встреча Даосина с Хою	72
Кто же был на самом деле тот мальчик, что стал патриархом Хундженем (Гунином)	74
Пятый патриарх Хундженъ (Гунин, яп.)	76
Последний патриарх чань Хуэй-нэн (Эно, яп.) ...	77
Каноническая история шестого патриарха	77
Предание о Хуэй-нэне с головой быка	88
Патриарх и ученик Северной школы	89
Нравственность, мудрость и медитация	90
Как видеть и не видеть	92
Последнее наставление патриарха	94
Честный ответ	98
Другие великие наставники чань	99
Бодхисаттва Фу	99
Наставления императору	100
Комментарий действий Бодхисаттвы Фу из «Рассказов о знаменитых упасака»	101
Чаньский учитель Мацзу Даои («Путь Единого»)	103
История с тачкой	106
Комментарий из «Рассказов о знаменитых упасака»	107
Что это такое?	108
Чаньский наставник Дэ Чэн, или Монах-Лодочник из Хуадин	109

Чаньский наставник Чжу Ди из Цзин Хуа	112
Наставница Мо Шань	115
Чаньский наставник Хуэй-цзан из Шигуна	118
Из бесед наставника Линь-цзи (ум. в 866 г.) из области Чжэнь	121
Песнь просветления чаньского наставника Юн-цзя	125
Просветление от звука кипящего масла	127
«Помощь ученика»	130
Гун-ани и притчи о людских пороках и слабостях	133
Чего мы знаем, но не делаем	133
Опасное место	134
Байчжан и старик-лиса	135
Обращенный	137
Пот Гадзана	138
Скупой художник	139
Будь живым!	141
Чашка чая	142
Молчаливая медитация	142
Ничто не существует	143
Сострадание Бокудзю	144
Притчи про обращение к учению	145
Игрок и пьяница	145
Повар	148

История корейского мастера чань Сосана	149
Усердие	151
Подлинная осознанность	153
Житейские притчи и предания о мирянах и монахах	159
Арест изваяния Будды	159
Ученый диспут	161
Письмо умирающему	162
Непреклонный мастер Фугай	162
Чао Буджи	163
Сила последнего желания	170
Семейство чаньских мирян	172
Уход из жизни Пан-юня и его близких	175
В руках судьбы	177
Абсолютная осознанность	178
Все — лучшее	180
Испытание	181
Гун-ани и притчи о разном	183
Говорящий мертвец	183
Пора спать	184
Взятки не беру	185
Мудрость улитки	186
Собственная сокровищница	186
История с разрубленной кошкой	187
Задание с ручьем	188

Великое искусство	189
Визитка	190
Своевременная песня девушки	191
Подвижник-чудотворец	192
Предсказание Хосина	197
Просто вымой чашу	199
Золотая середина	200
Два меча	201
Истинное процветание	202
Жизнь не может ждать	203
Этот гнев — не ты	203
Я живу обычной жизнью	204
Не оставлять следов	206
Не что, а кто	206
Четыре гун-аня из сборника Умэня	
Хуэй-кая (17)	207
Сяньян, висящий на дереве	207
Повозка Цзичжуна	208
Колокола и монашеская тога	209
Встреча с прозревшим	210
Примечания	211
Основная литература	216